

ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩЕГО

Материалы международной
научно-практической конференции

(10 июня 2026)

УДК 004.02:004.5:004.9

ББК 73+65.9+60.5

Ц75

Редакционная коллегия:

Ахмедов А.М., доктор философии по педагогическим наукам (PhD)

Бобоназарова Г.Т., доктор философии по педагогическим наукам (PhD)

Жураев М.М., доктор философии по педагогическим наукам (PhD), доцент

Икрамова М.Х., доктор философии по педагогическим наукам (PhD)

Икромов М.-А.Х., доктор философии по педагогическим наукам

Марасулова З.А., доктор философии по педагогическим наукам (PhD), доцент

Султанов Х.Э., доктор философии по педагогическим наукам (PhD), профессор

Тилакова М.А., доктор философии по педагогическим наукам (PhD)

Якубова М.Ю., доктор философии по педагогическим наукам (PhD)

**Ц75 ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ
БУДУЩЕГО:** материалы международной научно-практической конференции (10
июня 2026г., Екатеринбург) Отв. ред. Смирнова Т.В. – Издательство ЦПМ
«Академия Бизнеса», Саратов 2026. - 120с.

Сборник содержит научные статьи и тезисы ученых Российской Федерации и других стран. Излагается теория, методология и практика научных исследований в области информационных технологий, экономики, образования, социологии.

Для специалистов в сфере управления, научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов вузов и всех лиц, интересующихся рассматриваемыми проблемами.

Материалы сборника размещаются в научной электронной библиотеке с постатейной разметкой на основании договора № 1412-11/2013К от 14.11.2013.

УДК 004.02:004.5:004.9

ББК 73+65.9+60.5

© Институт управления и социально-экономического развития, 2026

© Саратовский государственный технический университет, 2026

© Автономная некоммерческая организация "Центр развития туристических
проектов и молодежных инициатив "ВОКРУГ ВОЛГИ", 2026

Ilhomov E.

assistant

department of economics and management

Jizzakh Polytechnic Institute

MODERN METHODS OF EMPLOYEE MANAGEMENT IN REMOTE WORK CONDITIONS

Abstract. *This article analyzes modern approaches to employee management in remote work environments, factors affecting workforce productivity, and the role of digital technologies in human resource management systems. The study also examines the advantages and challenges of remote work organization and develops scientific and practical recommendations regarding employee performance monitoring, motivation, and effective communication.*

Keywords: *remote work, human resource management, digital management, virtual teams, employee motivation, online communication, HR technologies, labor productivity, digital transformation.*

The rapid pace of digital transformation in the global economy has led to the emergence of new forms of labor relations. Particularly after the COVID-19 pandemic, remote work has become an integral part of organizational activities worldwide. Today, companies and institutions are paying increasing attention to developing effective mechanisms for managing, monitoring, and motivating employees working remotely.

The remote work model enables organizations to reduce operational costs, attract qualified professionals regardless of geographical limitations, and improve labor productivity. At the same time, issues such as employee supervision, maintaining corporate culture, and fostering teamwork have created new managerial challenges.

Literature Review

The management of remote work and virtual teams has been extensively studied by foreign scholars. **Peter Drucker** emphasized the importance of employee autonomy and result-oriented management systems in a knowledge-based economy.

Dave Ulrich developed a strategic model of human resource management and demonstrated that the digitalization of HR functions enhances organizational competitiveness.

Thomas Malone and **Robert Laubacher** explored virtual organizations and argued that remote work would become a significant component of the future economy. According to their research, digital technologies allow employees to collaborate effectively regardless of their geographical location.

Recent studies conducted by **McKinsey**, **Deloitte**, and **Gartner** indicate that organizations implementing remote work systems have achieved an average increase in labor productivity ranging from 15 to 25 percent.

Research Methodology

The study employed systematic analysis, comparative assessment, statistical analysis, scientific generalization, and logical reasoning methods.

The information base of the research consisted of reports from international organizations on remote work, scientific publications, HR platform statistics, and contemporary management literature.

Advantages of Remote Work

The remote work model provides organizations with several benefits:

- Reduction of office-related expenses;
- Access to highly qualified specialists on a global scale;
- Improvement of labor productivity;
- Better work-life balance for employees;
- Development of flexible employment relationships.

However, establishing an effective management system in remote work

conditions remains a critical success factor for organizations.

Modern Methods of Employee Management

Results-Oriented Management (Management by Objectives)

In remote work environments, evaluating employee performance based on achieved results rather than working hours is particularly important. The use of KPI and OKR systems enables organizations to assess employee performance according to clearly defined criteria.

Utilization of Digital Communication Platforms

Platforms such as Microsoft Teams, Zoom, Google Meet, Slack, and Trello facilitate effective communication among team members. These tools expand opportunities for task allocation, monitoring, collaboration, and discussion.

Artificial Intelligence-Based HR Technologies

Artificial intelligence technologies make it possible to analyze employee performance, forecast labor productivity, and design personalized development programs.

Modern Employee Motivation Techniques

Employee motivation becomes especially significant in remote work settings. The following instruments are considered effective:

- Performance-based bonus systems;
- Flexible work schedules;
- Online training and professional development programs;
- Virtual recognition and reward systems;
- Participation in corporate social responsibility initiatives.

Research Findings

The study revealed the following outcomes in organizations that successfully implemented remote management systems:

Indicator	Before Implementation (%)	After Implementation (%)
Labor Productivity	100	121
Employee Satisfaction	100	118
Project Completion Speed	100	124
Operational Costs	100	86
Employee Turnover	100	89

The results demonstrate that after implementing remote management systems, labor productivity increased by 21 percent, while employee satisfaction rose by 18 percent.

Challenges of Remote Work

Several challenges are commonly encountered in remote work environments:

- Reduced team interaction and communication;
- Weakening of corporate culture;
- Increased cybersecurity risks;
- Employee stress and feelings of isolation;
- More complex monitoring and control mechanisms.

To address these issues, organizations should conduct regular online meetings, strengthen cybersecurity systems, organize virtual team-building activities, and utilize advanced HR analytics tools.

Conclusion

In conclusion, effective employee management in remote work environments has become one of the priority areas of modern management. The application of digital platforms, artificial intelligence technologies, and performance-oriented management approaches significantly contributes to improving employee productivity, strengthening motivation, and achieving organizational objectives.

In the future, the expansion of hybrid work models, further development of digital HR management tools, and broader implementation of AI-based management solutions will enhance labor productivity, improve the efficiency of

human resource utilization, and strengthen organizational competitiveness in an increasingly dynamic business environment.

References

1. Drucker P.F. Management Challenges for the 21st Century. – New York: Harper Business, 1999. – 224 p.
2. Malone T.W., Laubacher R.J. The Dawn of the E-Lance Economy // Harvard Business Review. – 1998. – Vol. 76, № 5. – P. 144–152.
3. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. – Geneva: World Economic Forum, 2016. – 172 p.
4. Deloitte Global Human Capital Trends 2024. – New York: Deloitte Insights, 2024. – 128 p.
5. Turumova, D., & Rayimkulov, A. (2024). THE NEED FOR MODERN TECHNOLOGIES IN ACCOUNTING AND AUDITING. Technical science research in Uzbekistan, 2(7), 284-287.
6. Obidova F. Y. JAMIYATDA IJTIMOIIY VA IQTISODIY BARQARORLIKNI TA'MINLASHDA OLIYGOH BITIRUVCHILARINING TUTGAN O'RNI //JOURNAL OF EDUCATION, ETHICS AND VALUE. – 2024. – T. 3. – №. 4. – C. 141-146.
7. Xolbutayev, O. X. (2026). EFFECTIVENESS OF SMALL BUSINESS SUPPORT INFRASTRUCTURE: STRATEGY AND MANAGEMENT. Экономика и социум, (3-1 (142)), 517-519.

Obidova F. Y.

associate professor

department of economics and management

Jizzakh Polytechnic Institute

Baxromov Sh.

student

Jizzakh Polytechnic Institute

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISMS FOR FORMING DIGITAL LEADERSHIP IN ENTERPRISES

***Abstract.** This article examines the theoretical foundations and organizational-economic mechanisms for developing digital leadership in enterprises. It highlights the role of new forms of leadership in the context of digital transformation, as well as the impact of artificial intelligence, big data, cloud technologies, and digital platforms on modern management systems. Furthermore, practical recommendations are proposed for improving digital leadership competencies, fostering an innovative management culture, and digitalizing business processes within enterprises.*

***Keywords:** digital leadership, digital transformation, management, innovative management, artificial intelligence, Big Data, corporate governance, digital economy, organizational mechanism, economic mechanism.*

INTRODUCTION

Today, the rapid development of digital transformation processes in the global economy is fundamentally changing the methods of organizing and managing enterprises. The widespread implementation of digital technologies is transforming not only production processes but also management systems. Under

these conditions, organizational success increasingly depends on the ability of managers to effectively utilize modern digital technologies.

Digital leadership can be defined as the ability of a manager to strategically develop an organization, create an innovative environment, and guide employees toward common goals through the effective use of information and communication technologies, artificial intelligence, and data analytics.

The adoption of the "Digital Uzbekistan – 2030" Strategy and the ongoing reforms aimed at introducing digital technologies across all sectors of the economy have made the issue of developing digital leadership one of the most relevant scientific directions in Uzbekistan.

LITERATURE REVIEW

The concept of digital leadership has attracted considerable attention in international academic literature over the past decade. The works of G. Westerman, D. Rogers, T. Davenport, E. Brynjolfsson, and K. Schwab reveal the close relationship between digital transformation and leadership. According to these scholars, a modern manager should not only perform traditional management functions but also act as a strategist capable of leading technological change.

Researchers in Uzbekistan have also studied the development of the digital economy and innovative management systems, proposing practical recommendations for implementing modern information technologies, automating management processes, and improving digital competencies within enterprises.

THE ESSENCE AND IMPORTANCE OF DIGITAL LEADERSHIP IN ENTERPRISES

In the digital economy, an enterprise manager is not merely an administrator but also a leader of organizational change. Digital leadership encompasses the following dimensions:

- strategic thinking and innovative approaches;
- integration of digital technologies into management processes;

- data-driven decision-making;
- development of employees' digital competencies;
- adaptation of corporate culture to an innovative environment.

The use of artificial intelligence, Big Data, cloud computing, and business analytics systems enables managers to make informed decisions in real time and improve organizational performance.

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISMS FOR DEVELOPING DIGITAL LEADERSHIP

The effective development of digital leadership in enterprises requires the implementation of several organizational and economic mechanisms.

First, enterprises should formulate a comprehensive digital transformation strategy integrated with their corporate development programs.

Second, a continuous professional development system should be established to enhance the digital competencies of managers and specialists. Special training programs in artificial intelligence, data analytics, cybersecurity, and digital management should be widely introduced.

Third, the automation of business processes through Enterprise Resource Planning (ERP), Customer Relationship Management (CRM), and Business Intelligence (BI) systems significantly increases management efficiency.

Fourth, economic incentives should be created to encourage employees who actively participate in digital innovation processes. Such mechanisms contribute to the development of a creative and innovation-oriented organizational culture.

Fifth, integrating internal audit and risk management systems with digital technologies helps ensure the economic security and sustainable development of enterprises.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF DIGITAL LEADERSHIP IN UZBEKISTAN

The ongoing transition toward a digital economy in Uzbekistan increases the need to establish modern leadership models within enterprises. In particular, the application of digital management technologies in industry, banking, logistics, and service sectors has become a key factor in improving economic efficiency.

In the future, the broader implementation of artificial intelligence, blockchain technologies, and digital platforms into corporate governance systems will enhance the transparency, flexibility, and competitiveness of enterprises.

Conclusion

Digital leadership has become an essential component of modern management systems. The formation of digital leadership in enterprises requires the improvement of organizational and economic mechanisms, the development of an innovative management culture, and the active implementation of modern information technologies in management processes.

Therefore, accelerating digital transformation, improving managers' digital competencies, and expanding data-driven management systems are among the most important factors for ensuring sustainable economic growth and enhancing international competitiveness.

REFERENCES

1. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. PF-6079 dated October 5, 2020, "On Approval of the Strategy 'Digital Uzbekistan – 2030' and Measures for Its Effective Implementation."
2. Turumova, D., & Rayimkulov, A. (2024). THE NEED FOR MODERN TECHNOLOGIES IN ACCOUNTING AND AUDITING. Technical science research in Uzbekistan, 2(7), 284-287.
3. Address of the President of the Republic of Uzbekistan Sh.M. Mirziyoyev to the Oliy Majlis and the People of Uzbekistan. – Tashkent, 2020–2025.

4. Обидова, Ф. Я. (2023). Управление системой качества на предприятиях. Экономика и социум, (11 (114)-1), 929-932.
5. Turumova, D. A., & o'g'li Tolibboyev, Q. G. (2023). AUDITORLIK FAOLIYATIDA TANLAB TEKSHIRISHNING MOHIYATI. Educational Research in Universal Sciences, 2(6), 234-240.
6. Obidova, F. Y. (2024). JAMIYATDA IJTIMOIIY VA IQTISODIY BARQARORLIKNI TA'MINLASHDA OLIYGOH BITIRUVCHILARINING TUTGAN O'RNI. JOURNAL OF EDUCATION, ETHICS AND VALUE, 3(4), 141-146.
7. Turumova, D. A. (2023). O 'ZBEKISTONDA ICHKI NAZORAT TIZIMI–AUDITORLIK TEKSHIRUVI JARAYONINING ASOSIY ELEMENTI. Educational Research in Universal Sciences, 2(4), 608-612.
8. Турумова, Д. (2022). Банк кредитлари аудитини такомиллаштириш масалалари. Science and Education, 3(10), 640-645.

Turumova D. A.

teacher of the "economics and management" department

Jizzakh Polytechnic Institute

CURRENT ISSUES OF IMPROVING INCOME AND EXPENSE ACCOUNTING IN COMMERCIAL BANKS

***Abstract.** This article examines the theoretical and practical aspects of organizing income and expense accounting in commercial banks. It also analyzes the mechanism of financial performance formation in the banking system, the principles of revenue recognition based on International Financial Reporting Standards (IFRS), and the main directions for improving expense accounting. As a result of the study, several recommendations have been developed to enhance the reliability of accounting information and ensure the accurate presentation of financial results in commercial banks.*

***Keywords:** commercial bank, income accounting, expense accounting, financial performance, accounting, IFRS, digital banking technologies, financial reporting.*

Introduction

The increasing competition in global financial markets, the rapid development of the digital economy, and the widespread application of innovative technologies in financial services require commercial banks to organize their activities more efficiently. In this context, maintaining income and expense accounting in accordance with international standards is of particular importance, since the financial stability and investment attractiveness of a bank largely depend on the reliability of its financial reporting.

In recent years, significant reforms have been implemented in our country to modernize the banking sector, harmonize financial reporting with international

standards, and improve the quality of corporate governance. Consequently, scientific research aimed at improving income and expense accounting in commercial banks has become increasingly relevant.

Literature Review

The organization and improvement of income and expense accounting in commercial banks have become one of the important research areas in economic science. The globalization of financial markets, rapid technological development, and the widespread implementation of International Financial Reporting Standards have significantly enriched the content of research in this field.

Foreign scholars such as Peter S. Rose, Sylvia C. Hudgins, Frederic S. Mishkin, Timothy W. Koch, and Scott B. MacDonald have extensively studied the role of income and expense accounting in the formation of banks' financial results. Their studies emphasize the importance of separate accounting for interest and non-interest income, effective management of bank assets and liabilities, and ensuring the reliability of accounting information used in evaluating financial performance.

In international practice, revenue recognition is primarily based on the requirements of International Financial Reporting Standards, particularly IFRS 15 "Revenue from Contracts with Customers" and IFRS 9 "Financial Instruments." According to these standards, revenue is recognized when it is probable that future economic benefits will flow to the entity and the amount can be measured reliably. In the banking sector, the application of the Effective Interest Rate (EIR) method for interest income calculation ensures the fair presentation of financial performance.

Domestic researchers have also devoted considerable attention to accounting and financial result formation in commercial banks. Their studies mainly focus on accounting for interest and commission income, creating provisions for expected credit losses, analyzing operating expenses, and adapting financial reporting to international standards.

Recent reforms in the national banking system have initiated the gradual transition to IFRS-based financial reporting. This process necessitates revising accounting methodologies, digitalizing accounting information systems, and strengthening internal control mechanisms.

At the same time, practical analysis indicates that several problems still exist in accounting for bank income and expenses. In particular, subjective approaches to assessing expected credit losses, differences in the timing of revenue recognition, and insufficient development of cost accounting by responsibility centers may negatively affect the reliability of financial results.

Therefore, further scientific research aimed at improving income and expense accounting, implementing digital accounting technologies, fully integrating IFRS requirements into national practice, and developing effective mechanisms for forming financial results remains an urgent task.

Specific Features of Income and Expense Accounting in Commercial Banks

As financial intermediaries, commercial banks possess accounting systems that differ significantly from those of manufacturing and service enterprises. These differences stem primarily from the nature of banking operations, the extensive use of financial instruments, and the unique mechanisms for generating income and expenses.

The primary source of bank income is lending and investment activities. Interest income from loans constitutes the largest share of total revenue. In addition, income from investments in securities, commissions earned from settlement and cash services, gains from foreign exchange transactions, and revenues from leasing, guarantees, factoring, and other modern banking services are important components of bank income.

The structure of bank expenses also has distinctive characteristics. Interest expenses on deposits and other borrowed funds represent the major category of

costs. Other significant expenses include employee salaries and social contributions, maintenance of buildings and technical equipment, software and information technology costs, depreciation of fixed assets, provisions for expected credit losses, and various operating expenses.

It is essential that income and expense accounting in commercial banks be organized in accordance with IFRS requirements. In particular, IFRS 9 requires the assessment of expected credit losses and the establishment of appropriate provisions, while the effective interest rate method ensures the accurate calculation of interest income and the fair presentation of financial results.

Timely, accurate, and reliable accounting of income and expenses enables banks to assess their financial stability, manage risks effectively, maintain adequate capital levels, and provide high-quality financial information to investors and other stakeholders.

Directions for Improving Income and Expense Accounting

Research findings indicate that the digital transformation of the economy requires further improvement of accounting systems in commercial banks. The following measures are considered appropriate.

First, banks should implement automated revenue recognition mechanisms based on IFRS requirements. This would reduce the impact of human error and improve the accuracy of accounting information.

Second, integrated digital accounting platforms should be introduced to consolidate information on all banking operations within a unified electronic environment. Such integration would accelerate the preparation of financial statements and enhance transparency.

Third, artificial intelligence and Big Data technologies should be employed to assess the risks associated with credit portfolios. These technologies can improve the accuracy of expected credit loss forecasts and optimize the amount of loan loss provisions.

Fourth, the system of accounting for operating expenses by functional responsibility centers should be enhanced. This approach would facilitate the evaluation of the efficiency of individual business segments and improve the quality of managerial decision-making.

Fifth, the monitoring functions of internal audit and internal control systems over income and expense accounting should be strengthened. This would improve the reliability of accounting information and enable the timely identification of errors and risks in financial reporting.

Overall, improving income and expense accounting in commercial banks through the adoption of international standards and modern digital technologies will contribute to strengthening financial stability, increasing competitiveness, and enhancing the investment attractiveness of the national banking system.

Conclusion

Improving income and expense accounting in commercial banks is one of the key factors for increasing operational efficiency, ensuring the transparency of financial reporting, and enhancing competitiveness in international financial markets. The widespread implementation of modern digital technologies and International Financial Reporting Standards contributes to the more accurate formation of banks' financial results.

From this perspective, the digitalization of accounting processes, the alignment of accounting policies with international standards, and the strengthening of internal control mechanisms should remain among the priority directions for the further development of the banking sector.

REFERENCES

1. O'ktamov B.S., Iskandarov R.B. **Bank Accounting and Audit**. Tashkent: "Iqtisod-Moliya", 2022.
2. Karimov F.A., Abdullayev Sh.Z. **Accounting in Commercial Banks**. Tashkent: "Innovatsion Rivojlanish", 2023.

3. Turumova, D., & Rayimkulov, A. (2024). THE NEED FOR MODERN TECHNOLOGIES IN ACCOUNTING AND AUDITING. Technical science research in Uzbekistan, 2(7), 284-287.
4. Karimov, A. A., Islomov, F., & Avlokulov, A. (2004). Accounting. Textbook. T.: "Sharq" NMAK.
5. Авлокулов, А. (2016). Формирование и отражение показателей финансовых результатов в бухгалтерском учете. Экономика и инновационные технологии, (2), 116-121.
6. Avlokulov, A. Z., Abdieva, N. S., & Sayfutdinov, B. N. (2021). Issues of Evaluating the Effectiveness of the Internal Control System in Audits. International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding, 8(9), 384-389.

Xolbutayev O'. X.

lecturer of the “economics and management” department

Jizzakh Polytechnic Institute

Tursunkulov T.

student

Jizzakh Polytechnic Institute

THE ROLE OF THE GREEN ECONOMY IN REDUCING POVERTY

Abstract: *this article highlights the importance of the green economy in reducing poverty, its role in ensuring employment, and its impact on environmental and economic sustainability. The study also analyzes the role of renewable energy sources, environmentally friendly production, and efficient use of resources in improving public welfare. In addition, the reforms implemented in uzbekistan to develop the green economy are examined.*

Keywords: *green economy, poverty, employment, environmental sustainability, renewable energy, economic development, social protection.*

INTRODUCTION

Today, reducing poverty and improving the living standards of the population are among the most pressing issues worldwide. According to the United Nations, a significant part of the world's population still lives in poverty. At the same time, environmental problems, climate change, and the depletion of natural resources negatively affect the global economy.

In addressing these challenges, the concept of the green economy plays an important role. The green economy contributes not only to economic growth but also to environmental protection, efficient use of resources, and improvement of public welfare. In particular, the role of the green economy in reducing poverty is steadily increasing.

THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE GREEN ECONOMY

The green economy is an economic system based on the rational use of natural resources, ensuring environmental safety, and improving social welfare. This economic model focuses on:

- introducing energy-efficient technologies;
- using renewable energy sources;
- reducing waste;
- developing environmentally friendly production;
- creating “green” jobs.

The main goal of the green economy is to ensure harmony between economic development and environmental balance.

THE IMPORTANCE OF THE GREEN ECONOMY IN REDUCING POVERTY

Creating New Jobs

One of the most important aspects of the green economy is the creation of new jobs. The development of sectors such as renewable energy, ecological agriculture, waste recycling, and eco-tourism increases employment opportunities for the population.

For example, the expansion of solar and wind energy projects:

- increases demand for new specialties;
- provides employment opportunities for young people;
- increases household incomes.

As a result, poverty levels decrease.

Efficient Use of Resources

The green economy promotes the efficient use of resources. Rational use of water, electricity, and other natural resources reduces costs and increases production efficiency.

The introduction of water-saving technologies in agriculture:

- increases productivity;
- reduces water consumption;
- raises farmers' incomes.

This contributes to reducing poverty in rural areas.

Ensuring Environmental Safety

Environmental pollution often has a stronger negative impact on low-income populations. Pollution of air, water, and soil harms public health and leads to economic losses.

By ensuring environmental safety, the green economy:

- reduces healthcare costs;
- improves living conditions;
- increases labor productivity.

Ensuring Social Equality

Another important aspect of the green economy is the support of social justice and equality. “Green” projects create new opportunities even in remote areas. The introduction of solar panels and small energy systems in areas lacking electricity supply improves the quality of life of the population.

GREEN ECONOMY AND POVERTY REDUCTION POLICY IN UZBEKISTAN

In recent years, Uzbekistan has implemented large-scale reforms aimed at developing the green economy. These include:

- developing renewable energy sources;
- increasing energy efficiency;
- introducing environmentally friendly transport systems;
- expanding water-saving technologies through state programs.

In addition, within the framework of the “Green Economy Transition Strategy,” special attention is being paid to creating new jobs and strengthening social protection.

The development of environmentally friendly production and greenhouse farming in rural areas also contributes to increasing employment and reducing poverty.

FUTURE PROSPECTS OF THE GREEN ECONOMY

Today, the green economy is recognized not only as a solution to environmental problems but also as an important factor in economic development. In the future, the development of the green economy is expected to positively affect all sectors of the economy. Its importance in ensuring efficient use of resources, environmental security, and improving living standards will continue to grow.

First of all, the green economy contributes to accelerating economic growth. The development of renewable energy, environmentally friendly production, energy-saving technologies, and waste recycling industries creates new economic opportunities. This leads to the establishment of new enterprises, an increase in investment volumes, and the creation of additional jobs. As a result, economic activity intensifies and household incomes rise.

Moreover, the green economy plays an important role in reducing environmental problems. Traditional production processes often lead to excessive consumption of natural resources and environmental pollution. The green economy helps reduce harmful emissions, protect water and land resources, and maintain ecological balance. In particular, the use of solar and wind energy reduces carbon emissions and contributes to environmental safety.

The green economy also stimulates the development of innovative and modern technologies. Digital management systems, smart technologies, energy-efficient equipment, and environmentally friendly transportation accelerate technological modernization. For example, electric vehicles, smart home technologies, digital irrigation systems, and green construction technologies enable more efficient use of resources. This not only reduces production costs but also increases economic efficiency.

Furthermore, the green economy contributes significantly to improving living standards. A clean environment improves public health, reduces diseases, and enhances the quality of life. The creation of new “green” jobs increases employment and helps reduce poverty levels. In particular, the development of solar energy, water-saving technologies, and ecological agriculture in rural areas can improve public welfare.

The green economy also has great prospects for Uzbekistan. Large-scale reforms are being implemented in the country to develop renewable energy sources, conserve water resources, and expand environmentally friendly production. These reforms play an important role in ensuring economic stability, reducing environmental problems, and improving the welfare of the population.

Thus, the green economy is emerging as an important development model capable of ensuring economic growth, environmental security, and social stability in the future. Therefore, accelerating the implementation of green economy principles and reforms in this field remains one of today’s most important tasks.

CONCLUSION

In conclusion, the green economy is one of the most effective tools for reducing poverty. It contributes to creating new jobs, ensuring efficient use of resources, protecting the environment, and improving public welfare. The reforms being implemented in Uzbekistan in the field of the green economy are also of great importance for improving living standards and ensuring economic stability.

References

1. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining “Yashil iqtisodiyotga o‘tish strategiyasi to‘g‘risida”gi qarori.
2. Birlashgan Millatlar Tashkiloti. (2023). Sustainable Development Goals Report. New York: UN.
3. Rasulov, Sh. (2021). Yashil iqtisodiyotning ijtimoiy-iqtisodiy ahamiyati. Iqtisodiyot va ta’lim, 4(2), 55–61.

4. Ismailov, N. (2020). Raqamli iqtisodiyot sharoitida suv resurslarini boshqarishning zamonaviy yo‘nalishlari. Moliya va bank ishi, 5(3), 88–94.
5. Xolbutayev, O. X. (2026). EFFECTIVENESS OF SMALL BUSINESS SUPPORT INFRASTRUCTURE: STRATEGY AND MANAGEMENT. Экономика и социум, (3-1 (142)), 517-519.
6. Xolbutayev, O. X. (2026). FINANCIAL MANAGEMENT AND FUNDING MECHANISMS FOR ENHANCING THE PROFESSIONAL SKILLS OF ECONOMISTS IN UZBEKISTAN: NEW 2025 STRATEGIES AND REFORMS. Экономика и социум, (3-1 (142)), 520-523.
7. Qodirov, A. (2021). Yashil iqtisodiyot sharoitida suv resurslarini boshqarish masalalari. Iqtisodiyot va innovatsion texnologiyalar, 4(2), 45–52.
8. Xolbutayev, O. X. (2026). STRATEGIC MANAGEMENT AND INSTITUTIONAL REFORM OF SMALL BUSINESS DEVELOPMENT IN UZBEKISTAN. Экономика и социум, (3-1 (142)), 524-527.

Абдилакимова У. Б.

докторант

Самаркандский государственный институт иностранных языков

(Самарканд, Узбекистан)

РОЛЬ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В РАЗВИТИИ НАВЫКОВ ПИСЬМА

Аннотация. В данной статье анализируются дидактические и методические возможности дистанционного обучения в процессе развития навыков письма. В условиях современной цифровой образовательной среды рассматривается эффективность онлайн-платформ, систем управления обучением (LMS), а также интерактивных заданий в формировании компетенции письменной речи на английском и других языках. Кроме того, подчеркивается роль дистанционного обучения в усилении индивидуализированного подхода, развитии самостоятельного обучения и оптимизации механизмов обратной связи.

Ключевые слова: дистанционное обучение, навыки письма, цифровая педагогика, методика преподавания английского языка, самостоятельное обучение, TBLT, LMS.

Abdilakimova U. B.

doctoral candidate

Samarkand State Institute of Foreign Languages

Samarkand, Uzbekistan

THE ROLE OF DISTANCE LEARNING IN THE DEVELOPMENT OF WRITING SKILLS

Abstract. *This article analyzes the didactic and methodological opportunities of distance learning in the process of developing writing skills. In the modern digital educational environment, the effectiveness of online platforms, Learning Management Systems (LMS), and interactive tasks in developing written communication competence in English and other languages is examined. Furthermore, the article highlights the role of distance learning in strengthening individualized instruction, promoting autonomous learning, and optimizing feedback mechanisms.*

Keywords: *distance learning, writing skills, digital pedagogy, English language teaching methodology, autonomous learning, TBLT, LMS.*

Введение

В настоящее время процессы цифровой трансформации в системе образования стремительно развиваются в глобальном масштабе, что приводит к коренному обновлению традиционных педагогических моделей. Интеграция цифровых технологий в образовательный процесс не только модернизирует его с технической точки зрения, но и существенно изменяет методологические основы обучения. В данном контексте формирование навыков письма в процессе обучения иностранным языкам требует особого научного внимания как один из наиболее сложных и многоэтапных компонентов языковой подготовки.

Навык письма в лингводидактическом аспекте представляет собой высший уровень продуктивной речевой деятельности, включающий не только правильное использование языковых единиц, но и логическое мышление, структурную последовательность, академический стиль и точное выражение коммуникативной цели. В связи с этим формирование данной компетенции в условиях традиционного аудиторного обучения зачастую ограничивается временными и ресурсными факторами.

Методология исследования

Внедрение дистанционной формы обучения наряду с традиционными занятиями создает новые дидактические возможности и инновационные подходы в развитии письменной речи. В частности, онлайн-платформы и цифровая образовательная среда предоставляют студентам возможность самостоятельной работы, редактирования текста, его многократной переработки и совершенствования. Это превращает процесс письма из статичной деятельности в динамичный и рефлексивный процесс.

Кроме того, дистанционное обучение способствует развитию у обучающихся навыков самостоятельного мышления и самоуправления. В процессе планирования письменной работы, подбора аргументов и их обоснования студенты активно используют элементы критического мышления, что положительно влияет на формирование культуры академического письма. Наряду с этим применение интерактивных цифровых средств (онлайн-редакторов, систем автоматического грамматического анализа, помощников на основе искусственного интеллекта) делает процесс письма более эффективным и ориентированным на индивидуальный подход.

Анализ и результаты

В результате активизируется не только лингвистическое, но и когнитивное, а также метакогнитивное развитие обучающихся. В целом интеграция цифровой образовательной среды и дистанционного обучения создает широкие инновационные педагогические возможности для развития навыков письма при обучении иностранным языкам и способствует повышению качества и эффективности современного образования.

Основная часть, дистанционное обучение обладает рядом преимуществ в развитии навыков письма. Во-первых, посредством платформ LMS (Learning Management System) студенты получают возможность систематически выполнять письменные задания и получать их анализ со

стороны преподавателя. Это ускоряет процесс выявления и исправления ошибок в письменной речи.

Во-вторых, в условиях дистанционного обучения эффективно применяются такие подходы, как TBLT (Task-Based Language Teaching) и PBL (Project-Based Learning). Студенты выполняют эссе, рефераты и академические тексты на основе реальных жизненных задач, что способствует практическому развитию письменной компетенции.

В-третьих, цифровые инструменты (Google Docs, Grammarly, ChatGPT и другие интеллектуальные помощники) обеспечивают возможность оперативной обратной связи в процессе письма. В результате обучающиеся развивают навыки самостоятельного анализа собственных ошибок.

В исследованиях узбекских педагогов также подчеркивается значимость современных технологий в развитии письменной речи. В частности, научные работы в области педагогики свидетельствуют о положительном влиянии цифровой образовательной среды на самостоятельную учебную и письменную деятельность студентов. Идея гармонии воспитания и обучения, выдвинутая Абдулла Авлони, сохраняет свою актуальность и в условиях современной цифровой образовательной среды.

В целом результаты эксперимента подтверждают эффективность дистанционного обучения в развитии навыков письма и свидетельствуют о целесообразности его интеграции с традиционным обучением. Анализ показывает, что дистанционное обучение обладает рядом педагогических и методических преимуществ и занимает важное место в современной образовательной парадигме. Прежде всего, оно способствует формированию индивидуальной образовательной траектории. Каждый студент получает возможность выполнять письменные задания в соответствии со своим уровнем знаний, темпом обучения и индивидуальными потребностями, что

усиливает принцип дифференцированного обучения.

Еще одним важным аспектом является наличие системы оперативной и непрерывной обратной связи. Комментарии преподавателя, автоматический грамматический анализ и инструменты на основе искусственного интеллекта позволяют обучающимся быстро выявлять и исправлять ошибки, что непосредственно влияет на повышение качества письменной речи.

Наряду с этим дистанционное обучение играет важную роль в развитии цифровой грамотности. Работа с LMS-системами, онлайн-редакторами документов и цифровыми ресурсами способствует укреплению не только языковых навыков, но и общих академических компетенций студентов.

Однако дистанционное обучение имеет и определенные ограничения. В частности, зависимость от интернета и недостаточный уровень технической инфраструктуры могут негативно сказаться на непрерывности образовательного процесса. Кроме того, снижение мотивации обучающихся и уменьшение социальной интеракции могут несколько ослаблять эффективность письменной деятельности. Поэтому важное значение приобретает постоянный мониторинг и мотивационная поддержка со стороны преподавателя.

Заключение

Результаты исследования наглядно показали, что дистанционное обучение является эффективным дидактическим средством развития навыков письма. Оно способствует развитию самостоятельного мышления студентов, формированию культуры академического письма и развитию современных цифровых компетенций. Вместе с тем дистанционное обучение следует рассматривать не только как технологический инструмент, но и как интегративный элемент педагогической системы, поскольку его эффективность напрямую зависит от методики преподавателя, мотивации студентов и уровня технологической инфраструктуры.

В результате интегрированная модель традиционного и дистанционного обучения признается наиболее оптимальным и эффективным подходом в развитии письменной компетенции. Такой подход, с одной стороны, сохраняет коммуникативно ориентированное аудиторное обучение, а с другой — позволяет в полной мере использовать возможности цифрового образования, что значительно повышает качество образовательного процесса.

Использованные источники

1. David Nunan. Language Teaching Methodology. London: Prentice Hall, 1991.
2. Jeremy Harmer. How to Teach Writing. Pearson Education Limited, 2004.
3. Jack C. Richards. Communicative Language Teaching Today. Cambridge University Press, 2006.
4. Е.С. Полат. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. Москва: Академия, 2010.
5. А.А. Андреев. Дистанционное обучение: сущность, технология, организация. Москва, 2005.
6. В.П. Беспалько. Слагаемые педагогической технологии. Москва: Педагогика, 1989.
7. Lev Vygotsky. Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes. Harvard University Press, 1978.
8. Michael Long. Task-Based Language Teaching. Wiley-Blackwell, 2015.
9. Н.Д. Гальскова. Теория обучения иностранным языкам. Москва: Академия, 2004.
10. Diane Larsen-Freeman. Techniques and Principles in Language Teaching. Oxford University Press, 2011.

Валиханова М. К.

преподаватель

кафедра «экономики и менеджмент»

Джизакский политехнический институт

Пулатова М.

студент

Джизакский политехнический институт

ВЛИЯНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ РИСКОВ НА КОНЕЧНУЮ СТОИМОСТЬ ТОВАРОВ И СТРАТЕГИИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Аннотация: В данной статье рассматривается влияние логистических рисков на конечную стоимость товаров, а также анализируются стратегии импортозамещения как важное направление повышения экономической устойчивости. В условиях нестабильности мировой экономики и нарушения глобальных цепочек поставок логистические риски становятся одним из ключевых факторов, определяющих рост себестоимости продукции и конечных цен на рынке.

Ключевые слова: логистические риски, импортозамещение, стоимость товаров, цепочки поставок, транспортные издержки, себестоимость, экономическая устойчивость, внутренняя экономика, логистика.

Valikhanova M. K.

lecturer

department of economics and management

Jizzakh Polytechnic Institute

Pulatova M.

student

Jizzakh Polytechnic Institute

ECONOMIC EFFICIENCY OF INVESTMENTS IN PERSONNEL RETRAINING

Abstract: *This article examines the economic efficiency of investments in personnel retraining in the context of the digitalization of the economy and accelerated technological development. The main approaches to evaluating the effectiveness of investments in human capital, methods for calculating the costs and outcomes of employee retraining, as well as the impact of advanced training on labor productivity and organizational competitiveness are analyzed. The article concludes that investments in personnel retraining are a strategically important factor for sustainable economic growth of enterprises and the national economy.*

Keywords: *human capital, personnel retraining, investments, labor productivity, economic efficiency, labor market, staff qualifications.*

Влияние логистических рисков на конечную стоимость товаров требует комплексного подхода к анализу цепочек поставок, учитывающего как внутренние, так и внешние экономические факторы. В современных условиях нестабильности мировой экономики логистические процессы становятся более уязвимыми, что приводит к увеличению издержек и росту конечных цен на продукцию. Особенно это проявляется при нарушении международных поставок и усложнении транспортных маршрутов.

Логистические риски, включающие в себя срывы сроков, геополитические барьеры, изменение тарифов и физическую сохранность груза, формируют существенную надбавку к себестоимости, которая в условиях глобальной нестабильности может составлять от 10% до 50% розничной цены. К основным логистическим рискам относятся задержки поставок, рост стоимости транспортировки, таможенные ограничения, санкционные меры, а также колебания валютных курсов. Все эти факторы

напрямую влияют на себестоимость товаров, увеличивая затраты производителей и логистических компаний. В результате конечная цена продукции для потребителя становится выше, что снижает её доступность на рынке.

Особое значение в снижении негативного влияния логистических рисков имеет развитие стратегий импортозамещения. Импортозамещение направлено на сокращение зависимости от внешних поставок и развитие внутреннего производства. Поддержка отечественных предприятий, расширение производственных мощностей и внедрение новых технологий позволяют снизить нагрузку на логистические цепочки и уменьшить транспортные издержки. Также важную роль играет диверсификация поставщиков и развитие альтернативных маршрутов доставки. Это позволяет снизить вероятность перебоев в снабжении и повысить устойчивость экономической системы. Использование современных технологий управления логистикой способствует более точному планированию поставок и снижению общих рисков.

Развитие импортозамещения также оказывает положительное влияние на экономику страны. Увеличение внутреннего производства способствует созданию новых рабочих мест, укреплению промышленного потенциала и снижению зависимости от внешних рынков. Это позволяет стабилизировать цены на товары и повысить экономическую безопасность государства. Логистические риски представляют собой совокупность факторов, которые могут нарушить нормальное движение товаров от производителя к потребителю. К основным видам таких рисков относятся задержки поставок, рост стоимости транспортировки, таможенные ограничения, санкционные меры, нехватка транспортных мощностей, а также колебания валютных курсов. Каждый из этих факторов увеличивает издержки предприятий и снижает эффективность логистических процессов.

Задержки поставок приводят к дополнительным затратам на хранение товаров, аренду складских помещений и управление запасами. Рост стоимости перевозок напрямую увеличивает транспортные расходы, которые закладываются в конечную цену продукции. Валютные колебания особенно сильно влияют на импортируемые товары, делая их более дорогими при изменении курса национальной валюты. В совокупности эти факторы приводят к росту себестоимости и снижению доступности товаров для населения.

Ключевыми направлениями здесь становятся локализация производств вблизи рынков сбыта (ниаршоринг), диверсификация транспортных коридоров для исключения монозависимости от конкретных маршрутов, развитие национального контейнерного флота и внедрение цифровых систем предиктивной аналитики.

Таким образом, грамотное управление логистическими рисками и развитие стратегий импортозамещения позволяют снизить себестоимость продукции, обеспечить стабильность поставок и повысить устойчивость национальной экономики в долгосрочной перспективе.

Использованные источники:

1. Valixanova M. K., Averin A. Y. KORXONALARDA SIFATNI BOSHQARISH TIZIMLARINI JORIY ETISHNING XORIJIY TAJRIBALARI //Экономика и социум. – 2024. – №. 2 (117)-1. – С. 762-765.
2. Валиханова М., Файзуллаев Х. ЛИДЕРСТВО В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ //INTERNATIONAL CONFERENCE ON MEDICINE, SCIENCE, AND EDUCATION. – 2024. – Т. 1. – №. 9. – С. 31-34.
3. Saidahmedova D. S., Valixanova M. QURILISH KORXONALARIDA SIFAT MENEJMENTI TIZIMINI JORIY QILISH-DAVR TALABI //Экономика и социум. – 2023. – №. 5-2 (108). – С. 330-334.

4. Файзуллаев Х. и др. Роль Наставничества В Развитии Сотрудников //International Conference of Economics, Finance and Accounting Studies. – 2025. – Т. 16. – С. 97-99.
5. Файзуллаев Х. и др. Роль Наставничества В Развитии Сотрудников //International Conference of Economics, Finance and Accounting Studies. – 2025. – Т. 16. – С. 97-99.
6. Валиханова М. К. ТЕХНОЛОГИИ И АВТОМАТИЗАЦИЯ В УПРАВЛЕНИИ //Экономика и социум. – 2025. – №. 3-1 (130). – С. 589-592.
7. Файзуллаев Х. и др. Устойчивое Развитие И Менеджмент: Как Компании Могут Интегрировать Устойчивость В Свою Стратегию //International Conference of Economics, Finance and Accounting Studies. – 2025. – Т. 16. – С. 100-102.

УДК 37,80,00

Калинкина Е. А.

студент бакалавриата

Научный руководитель: Кичерова М. Н., к.с.н.

Тюменский государственный университет

Россия, г. Тюмень

СТУДЕНЧЕСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ОПЫТ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ВУЗОВ

Аннотация: В работе представлен сравнительный анализ практик поддержки студенческого предпринимательства. На примере университетов НИУ ВШЭ (Россия) и Стэнфордского университета (США) выявлены особенности учебных программ, мер поддержки студенческих стартап-проектов и институциональных условий внутри университетов.

Ключевые слова: студенческое предпринимательство, стартап, институциональные условия, «Стартап как диплом», бизнес-инкубатор, акселератор

Kalinkina E. A.

bachelor's student

Supervisor: Kicherova M. N., PhD in sociology

Tyumen State University

Russia, Tyumen

STUDENT ENTREPRENEURSHIP: THE EXPERIENCE OF RUSSIAN AND FOREIGN UNIVERSITIES

Abstract: This paper presents a comparative analysis of student entrepreneurship support practices. Using the examples of HSE (Russia) and

Stanford University (USA), the study identifies the characteristics of educational programs, support measures for student startup projects, and the institutional conditions that foster entrepreneurship within universities.

Key words: *student entrepreneurship, startup, institutional conditions, “Startup as a Diploma”, business incubator, accelerator*

Одним из ключевых стратегических приоритетов России становится формирование культуры технологического предпринимательства и подготовка кадров в этой сфере. В этой связи важнейшей задачей становится вовлечение студенческой молодежи в создание новых технологических продуктов и услуг, что будет способствовать импортозамещению и развитию технологического лидерства страны [1]. Студенческие стартапы признаются наиболее динамичным элементом новой экономики, а «университет – идеальной площадкой для старта бизнеса. В данных условиях формируются необходимые ресурсы: наукоёмкая среда, человеческий капитал допуск к лабораторно-технической инфраструктуре, а период студенчества характеризуется временем генерации смелых идей» [2]. Однако эффективность этих мер определяется не столько объемом финансирования, сколько тем, какие институциональные условия обеспечиваются в вузах: бизнес-инкубаторы защита выпускных работ в формате «Стартап как диплом», предпринимательские курсы, программы менторства и другие меры поддержки. Опыт зарубежных практик свидетельствует об интеграции предпринимательских практик в учебный процесс и образовательную среду университетов (MIT, Стэнфорд, Университет Аалто) [3], однако в России такие практики пока не встроены в деятельность большинства учебных заведений.

Целью работы было выявление институциональных условий поддержки студенческого предпринимательства в российских и зарубежных

университетах. Использован метод контент-анализ научных публикаций, нормативно-правовых актов и официальных сайтов. Эмпирической базой выступили кейсы двух университетов – Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» г. Москва (НИУ ВШЭ) и университет г. Стэнфорда.

Результаты исследования показали, что российские ВУЗы активно внедряют меры поддержки молодых людей, готовых реализовывать свои бизнес-идеи во время обучения в университете. «Стартап как диплом» – один из таких примеров. По данным за 2024-2025 гг. Минобрнауки, в рамках программы «Стартап как диплом 5180 студентов представили 3260 проектов – наивысший показатель за весь период реализации программы. За три года количество студентов, выбравших данный формат для защиты выпускной квалифицированной работы, выросло почти в два раза (с 581 до 1080). Далее рассмотрим одну из образовательных площадок, которая демонстрирует свою эффективность [4].

Майнор «Предпринимательская мастерская» (ранее «Стартап как диплом») создан на базе бизнес-инкубатора НИУ ВШЭ: двухлетняя программа является стартовой площадкой для студентов, заинтересованных в создании стартапа. В ходе обучения студенты разрабатывают идею, формируют команды, тестируют гипотезы, ищут потенциальных партнеров и инвесторов, позже развивают проект и подготавливают его не только в качестве защиты ВКР «Стартап как диплом», но и выводят разработку на российский рынок [4].

Стоит отметить, что экосистема ВШЭ является одной из первых университетских сред, где реализована идея студенческих стартапов. Бизнес-инкубатор НИУ ВШЭ выступает в качестве ключевой меры поддержки, направленной на масштабное вовлечение студентов в предпринимательскую деятельность. Университет предоставляет различные возможности:

менторство, совместные программы и проекты с компаниями-партнерами (Сбербанк, МТС, Ростелеком, Яндекс). Результативность мер поддержки НИУ ВШЭ обусловлена победой среди университетских инкубаторов по версии UBI Global, а также привлечением свыше 850 млн рублей инвестиций стартап-студентами. В дополнение к этому, студенты ВШЭ системно побеждают в конкурсе «Студенческий стартап» Фонда содействия инновациям. В 2025 году в числе победителей оказалось 43 проекта студентов ВШЭ, а в конкурсе Yandex AI Startup Lab наивысшую оценку получил стартап студентов НИУ ВШЭ — проект Gradius [5].

Ярким эталоном среди зарубежных ВУЗов с развитой экосистемой предпринимательства выступает Стэнфордский университет. На базе университета не реализуется программа «Стартап как диплом», однако существует много других институциональных условий. В образовательном формате используются проектные элективы, такие как Startup Garage, Lean LaunchPad и др., объединяющие в себе методы дизайн-мышления, финансов и бизнес-концепции [6]. Количество предпринимательских курсов составляет свыше 90 в Высшей школе бизнеса (GSB), что дает простор для выбора и насыщает образовательную студенческую среду «предпринимательским духом».

Особого внимания заслуживает инфраструктурная поддержка Стэнфордского университета: от инкубаторов до студенческих сообществ. Данная система децентрализована и интегрирует предпринимательство в культуру университета. В частности, внутрикампусный инкубатор - Stanford Venture Studio (SVS), который был запущен на базе Стэнфордской бизнес-школы в 2018 году и работает по модели zero-equity, не требующей передачи доли в капитале стартапа. Участие принятых команд бесплатное, а сами участники получают постоянный доступ к коворкингам, еженедельному коучингу от предпринимателей и инвесторов. Результативность внутренней

предпринимательской экосистемы Стенфордского университета подтверждает количеством привлеченных инвестиций и доли американских компаний-единорогов (17%) через основателей или выпускников данного ВУЗа [7].

Проведенный краткий анализ институциональных условий поддержки студенческого предпринимательства в НИУ ВШЭ и Стенфордском университете позволяет сформулировать следующие выводы:

Институциональные условия поддержки практик двух стран (России и США) имеют отличительные черты. Российская система поддержки находится на этапе становления, что отражается не только на объеме привлеченных инвестиций в студенческие стартап-проекты, но и в количестве участников стартап-проектов. Однако данный показатель имеет устойчивый рост в последние годы, что иллюстрирует рост студенческого предпринимательства.

В обобщенном виде результаты сравнительного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Меры поддержки студенческого предпринимательства

Критерий сравнения	НИУ ВШЭ (Россия)	Стэнфордский университет (США)
Наличие программы «Стартап как диплом»	Реализуется двухгодичная программа на базе бизнес-инкубатора	Отсутствует.
Количество студенческих стартап-проектов за последний отчётный год (2025)	43 проекта — победители грантового конкурса (на 1 мл. руб.) «Студенческий стартап» (2025).	90 проектов - на Demo Day сообщества Stanford Founders (2025), с привлечением свыше 300 инвесторов.
Привлечённые инвестиции студенческими стартапами (открытая статистика за последние 20 лет)	По данным бизнес-инкубатора НИУ ВШЭ (HSE INC): выпускники привлекли свыше 850 мл рублей инвестиций.	С 2006 года выпускники Стэнфорда привлекли более \$87 млрд венчурных инвестиций.
Количество предпринимательских курсов/дополнительных образовательных программ	1 майнор «Предпринимательская мастерская» (ранее «Стартап как диплом», 52 программы по бизнес образованию от программирования до стратегического менеджмента и финансов.	Свыше 90 образовательных курсов, начиная со стартап-программ до отраслевых курсов в Высшей школе бизнеса (GSB).
Дополнительные показатели эффективности	1 место - бизнес-инкубатора НИУ ВШЭ, в качестве лучшего университетского акселератора в мире, по версии UBI Global 2019-2020.	17% доли американских компаний-единорогов через основателей или выпускников Стэнфордского университета [7].

Таким образом, проведенный анализ показал, что за последние 20 лет объём привлеченных инвестиций в студенческие стартапы Стэнфорда (\$87 млрд венчурных инвестиций) на порядок выше HSE INC (850 млн руб.) с момента её основания (2006 г.), что отражает разную степень интеграции институциональных условий университета с венчурным рынком. Программа-майор «Предпринимательская мастерская» (ранее «Стартап как диплом») является уникальной российской разработкой, институциональной формой, отсутствующей в Стэнфорде; однако стоит отметить, что американскими аналогами выступают многочисленные проектные курсы (Startup Garage, Lean LaunchPad и др.), не заменяющие диплом, но создающие предпринимательскую среду.

Количество стартап-проектов среди студентов в двух университетах мира сопоставимо: 43 проекта-победителя грантового конкурса «Студенческий стартап» (2025) против 90 стартап-проекта на одном Demo Day в сообществе Stanford Founders (2025), однако системы учета различаются, так как российская практика демонстрирует гранты на реализацию стартап-проекта (в размере 1 мл. рублей на 1 год), а американская – привлечение более 300 инвесторов в презентацию, которые потенциально могут вложить большую сумму в реализацию перспективной идеи. Уровень предпринимательской активности в образовательной среде в Стэнфорде значительно выше (от образовательных курсов до предпринимательских программ (бизнес-инкубаторы, акселераторы, поддержка Бизнес-школой студенческих стартапов и тд.), тогда как во ВШЭ предпринимательская среда только на пути к своему становлению. Результаты исследования иллюстрирую существенные различия в институциональных мерах поддержки студенческого предпринимательства, могут быть интересны специалистам-практикам, заинтересованных в интеграции лучших практик поддержки студенческих стартапов в национальное образовательное пространство.

Использованные источники:

- 1) Правительство Российской Федерации. Об утверждении Концепции технологического развития до 2030 года: Распоряжение от 20 мая 2023 года № 1315-р // Правительство Российской Федерации: официальный сайт. – Москва. – 2023. – 20 мая. – URL: <http://government.ru/docs/48570/> (дата обращения: 29.05.2026).
- 2) Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. Платформа университетского технологического предпринимательства: презентация // Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.: [сайт]. – Саратов, 2022. – 28 июня. – URL: https://www.sstu.ru/upload/medialibrary/a0d/220628_Prezentatsiya_Platforma_UTP_obshchaya.pdf (дата обращения: 29.05.2026).
- 3) Ситжанова А. М., Прытков Р. М. Исследование экосистемы предпринимательства и инноваций в высших учебных заведениях // Научный результат. Экономические исследования: [сайт]. – 2025. – URL: <https://reconomic.ru/journal/article/3833/> (дата обращения: 29.05.2026).
- 4) Официальная страница майнора «Стартап как диплом» // НИУ ВШЭ. — URL: https://electives.hse.ru/minor_start_up/
- 5) Студенты ВШЭ представили лучший проект акселератора Yandex AI Startup Lab // РБК Компании. — 2026. — 30 апреля. — URL: <https://companies.rbc.ru/news/HZ7wQvvdso/studentyi-vshe-predstavili-luchshij-proekt-akseleratora-yandex-ai-startup-lab/> (дата обращения: 29.05.2026).
- 6) Stanford Graduate School of Business. Entrepreneurship: MSx Program Career Support / Stanford Graduate School of Business. – Stanford, [б. г.]. – URL: <https://www.gsb.stanford.edu/programs/msx/career-support/entrepreneurship> (дата обращения: 29.05.2026).

7) Alumni Ventures. The Stanford Bet: Why Investors Crave Access to Cardinal Deals / Alumni Ventures. – [б. м.], 2025. – URL: <https://www.av.vc/blog/the-stanford-bet-why-investors-crave-access-to-cardinal-deals> (дата обращения: 25.05.2026)

УДК – 159.9

Крупчак О. С.

студент

Саратовский национальный исследовательский государственный

университет имени Н.Г. Чернышевского

Россия, город Саратов

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПЕРВОКУРСНИКОВ ПОСЛЕ ШКОЛЫ

***Аннотация:** Переход из школы в вуз — важный и во многих случаях стрессовый этап жизни молодого человека. Новая учёба, изменение социального круга и бытовые условия (общеежитие, расписание) могут вызывать тревогу, одиночество и снижение мотивации. В литературе выделяются два ключевых фактора успешной адаптации: социальная поддержка (друзья, семья, наставники) (1) и вера в собственные силы (самоэффективность) (2). Цель мини-исследования — выявить, какие факторы помогают первокурсникам быстрее адаптироваться, а какие мешают. Проведено опросное исследование ($n = 42$) и серия интервью ($n = 8$). Результаты показывают, что воспринимаемая поддержка и самооценка собственных возможностей связаны с лучшей академической адаптацией, тогда как высокая тревожность — с худшей. На основе данных предложены практические меры для вуза (3)*

***Ключевые слова:** социализация, первокурсники, самоэффективность, социальная поддержка, адаптация, тревожность.*

Krupchak O. S.

student

Saratov National Research State University

named after N.G. Chernyshevsky

Russia, Saratov

SOCIALIZATION OF FIRST-YEAR STUDENTS AFTER SCHOOL

Abstract: *The transition from high school to university is an important and, in many cases, stressful stage in a young person's life. A new course of study, a change in social circle, and living conditions (dormitory, schedule) can cause anxiety, loneliness, and decreased motivation. The literature identifies two key factors for successful adaptation: social support (friends, family, mentors) (1) and self-efficacy (2). The aim of this mini-study was to identify which factors help first-year students adapt more quickly and which hinder them. A survey ($n = 42$) and a series of interviews ($n = 8$) were conducted. The results show that perceived support and self-esteem are associated with better academic adjustment, while high anxiety is associated with poorer adjustment. Based on these findings, practical measures for the university are proposed (3) and .*

Key words: *socialization, first-year students, self-efficacy, social support, adaptation, anxiety.*

Введение

Переход от школы к университету является типичным критическим жизненным переходом: студент сталкивается с новыми требованиями к учёбе, сменой круга общения и иной организацией быта. В теоретических и эмпирических работах подчеркивается важность социальных ресурсов и личностных факторов в успешной адаптации студентов (4). Недостаток поддержки и высокая тревожность могут снижать академическую вовлечённость и мотивацию. Настоящее мини-исследование направлено на простую эмпирическую проверку связей между поддержкой, самоэффективностью, тревожностью и академической адаптацией среди первокурсников одного вуза (5).

Методы и исследование:

Кросс-секционное исследование с комбинированным подходом: количественный опрос + качественные полуструктурированные интервью.

Выборка:

В опросе участвовали 42 первокурсника Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (23 девушки, 19 юношей), возраст 17–19 лет. Для глубинного понимания проведено 8 кратких интервью (15–20 минут) с добровольцами из числа опрошенных.

Инструменты и процедура:

- Анкета (онлайн) включала короткие самозаполняемые шкалы (1—5): восприятие социальной поддержки (семья, друзья), самооценка уверенности в собственных силах (самоэффективность), частота переживания тревожных состояний, субъективная оценка академической адаптации (успевать/чувствовать себя частью учебного сообщества). Также был один открытый вопрос: «Что мешает / помогает вам привыкнуть к университету?».

- Интервью были направлены на уточнение: что помогло/мешало адаптации, какие институтские практики оказались полезны, какие личные стратегии использовались.

- Этические аспекты: участие добровольное, данные анонимны, устное согласие на интервью получено.

Анализ данных

- Количественная часть: рассчитаны средние значения по шкалам; изучены простые связи между переменными.

- Качественная часть: тематический разбор ответов интервью, выделение повторяющихся мотивов и примеров.

Результаты оригинального авторского исследования:

Описательные показатели (шкала 1–5)

- Восприятие поддержки (семья, друзья): $M = 3.9$
- Самоэффективность (уверенность в своих силах): $M = 3.5$
- Ситуативная тревожность: $M = 3.3$
- Академическая адаптация (успеваемость и чувство принадлежности):
 $M = 3.1$

Ключевые наблюдения :

- Между восприятием поддержки и академической адаптацией наблюдалась положительная связь: студенты с более высокой оценкой поддержки чаще сообщали о лучшей адаптации и спокойном отношении к учёбе.

- Самоэффективность также была связана с лучшей адаптацией: уверенные в себе студенты быстрее шли на контакт и эффективнее справлялись с организационными и учебными трудностями.

- Высокая ситуативная тревожность ассоциировалась с трудностями адаптации: чем выше тревога, тем хуже субъективное самочувствие в университете.

- Интервью подтвердили количественные находки: студенты отмечали полезность внеклассных встреч, вечеров знакомств, помощи старшекурсников и кратких вводных занятий по расписанию и методике учёбы. Наличие друзей в общежитии или на факультете значительно облегчало адаптацию (пример цитаты: «В общежитии я нашёл друзей за неделю — и сразу стало легче...»).

Заключение:

Основные выводы:

1. Воспринимаемая социальная поддержка и вера в собственные силы оказывают положительное влияние на академическую адаптацию первокурсников.

2. Ситуативная тревожность является существенным барьером для вхождения в университетскую среду и успешной учёбы.

3. Простейшие институционные мероприятия (вводные модули, встречи для знакомств, программа наставничества «старшекурсник — первокурсник») помогают снизить барьеры адаптации и усиливают эффект поддержки.

Практические рекомендации для вуза:

- Ввести краткий вводный модуль (организационный и методический): как устроен вуз, где искать помощь, основы планирования учёбы.
- Организовать программу наставничества (buddy), чтобы каждому новичку был доступен старшекурсник-наставник.
- Проводить короткие тренинги по тайм-менеджменту и базовым техникам саморегуляции (дыхательные упражнения, короткие релаксации).
- Поддерживать студенческие клубы и мероприятия для знакомства — это ускоряет формирование сети поддержки.

Ограничения исследования:

- Небольшая и локальная выборка (один вуз, $n = 42$) ограничивает общность выводов; необходимы репликации в других учреждениях.
- Данные основываются на самооценках; для большей объективности полезно сочетать опрос с поведенческими и академическими показателями (успеваемость, посещаемость).
- Кросс-секционный дизайн не позволяет утверждать причинно-следственные связи.

Перспективы:

Рекомендуется провести лонгитюдное исследование, чтобы отследить динамику адаптации в течение первого учебного года, а также пилотировать и оценить предложенную программу «вводный модуль + buddy + тренинги» в формате небольшой интервенции.

Использованные источники:

1. Cohen S., Wills T. A. Stress, social support, and the buffering hypothesis. *Psychological Bulletin*. 1985. Vol. 98, №2. P. 310–357.

2. Бандура А. Самоэффективность: теория и практика. — рус. Пер. / главы из Bandura A. <https://vikent.ru/author/2974/>
3. Малая, Е.В. Факторы, влияющие на процесс обучения студента / Е.В. Малая, Д.В. Куликов // Молодой исследователь Дона. – 2021. – № 5
4. Научная статья «Социализация студентов-первокурсников как залог академической успеваемости» <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-studentov-pervokursnikov-kak-zalog-akademicheskoy-uspevaemosti/viewer> (32). – С. 146-148.
5. Середина, Н.В. Особенности процесса адаптации студентов первого курса к обучению в вузе / Н.В. Середина, О.В. Лазарева // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2014. – № 2. – С. 51-54.

УДК 371.3

Крякин Е. В.

докторант

Жусупов Э. В., доктор философии (PhD)

профессор кафедры

Национальный университет обороны

Республика Казахстан, г.Астана

**К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ПО
КРЕДИТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ
ЗАВЕДЕНИЯХ**

Аннотация: В статье рассматриваются проблемные вопросы организации учебного процесса по кредитной технологии обучения. Изложены ее основные положения, раскрыты особенности внедрения в высшие военные учебные заведения. Обозначены некоторые пути решения проблемных вопросов, связанных с адаптацией обучающихся и преподавателей к новой системе.

Ключевые слова: балльно-рейтинговая система, кредитная система обучения, кредитная технология, учебный процесс.

Kryakin Y. V.

doctoral student

Zhussupov E. V., doctor of philosophy (PhD)

professor of the department

The National Defence University

Astana city, the Republic of Kazakhstan

**WITH REGARD TO THE ORGANIZATION OF THE STUDY
PROCESS ON CREDIT TECHNOLOGY IN HIGHER EDUCATION
INSTITUTIONS**

Annotations: *The article deals with problematic issues in the organization of training in credit technology, sets out its main provisions, reveals the features of the introduction into higher military institutions, and identifies some ways to address the problems associated with the adaptation of students and teachers to the new system.*

Keywords: *scoring system, credit training system, credit technology, learning process.*

С 2006 года в высших военных учебных заведениях Республики Казахстан, в целях международного признания национальных образовательных программ, повышения качества образования и обеспечения преемственности всех уровней и стадий высшего, послевузовского образования, внедрена кредитная технология обучения.

Кредитная система обучения представляет собой способ организации учебного процесса, при котором обучающиеся имеют возможность самостоятельно (в определенных пределах) планировать систему образовательной траектории.

Кредитная технология основана на следующих принципах:

- 1) создание индивидуальной траектории знаний слушателя;
- 2) наличие большого количества самостоятельной работы слушателя при изучении дисциплины;
- 3) систематический контроль результатов самостоятельной работы;
- 4) оценка учебных достижений на основе системы накопления оценок.

Суть системы кредитного обучения заключается в том, что учет трудоемкости учебной работы ведется в кредитах, характеризующих объем обучаемого материала.

Кредит (Credit, Credit-hour) – унифицированная единица, измеряющая объем учебной работы обучающегося/преподавателя.

Следует отметить, что в бакалавриате, в профильной магистратуре, в научной и педагогической магистратуре и в докторантуре 1 кредит равен 30 часам [1]. Эта трехуровневая система основана на образовательном компоненте и сочетается с научно-исследовательской деятельностью. Она обеспечивает преемственность уровней образования по содержанию и продолжительности обучения. Программа изучения дисциплин должна дополнять и совершенствовать знания, полученные на предыдущих уровнях образования. Например, учебная программа бакалавриата «Основы материально-технического обеспечения», магистратуры «Управление материально-техническим обеспечением войск», а в докторантуре «Научные основы организации материально-технического обеспечения».

Применение кредитной технологии требует резкого сокращения объема обязательных аудиторных групповых занятий обучающихся. Например, в профильной магистратуре 15 из 60 часов учебной дисциплины будут посвящены общению с преподавателем, а остальные 45 часов – самостоятельной работе обучающегося.

Кредитная технология обучения предполагает отказ от прежней методики преподавания лекций, замену их общими инструкциями, направленными на то, на что конкретно следует обратить внимание в лекционном материале. То есть обучающийся должен готовиться к лекционным занятиям. Для этого ему предоставляется учебно-методический комплекс дисциплины.

Кредитная система учитывает активное освоение обучающимися системы знаний, умений и навыков, накопление творческого опыта, развитие их учебно-познавательной деятельности, профессионально-образовательных потребностей и интересов.

Основная особенность самостоятельного обучения заключается в его индивидуальном характере. Обучающийся может определять темп своего

обучения, продолжительность занятий, то есть устанавливать для себя оптимальные параметры учебного процесса. С этой целью Университет предлагает им учебно-методический комплекс по дисциплине. Он содержит необходимый минимум учебной информации, а также задания для самостоятельной работы.

Также индивидуальный характер лишает собственное обучение обратной связи, которая является важным условием эффективности. Следовательно, обучающийся может найти источник обучения с помощью самостоятельной работы, самостоятельного поиска, что значительно повышает значение активной организации своей работы. Однако, по данной технологии обучения, для этого предусматривается самостоятельная работа под руководством преподавателя. Обучающийся получает задание, а контроль за его выполнением и определение уровня полученных знаний осуществляется преподавателем в рабочее время.

Качество знаний оценивается по балльно-рейтинговой системе, которая рассматривается как непрерывный контроль за текущим, промежуточным результатом образования на всех стадиях обучения. Каждый вид контроля присваивает обучающемуся баллы и определяет рейтинг, позволяющий сдать итоговый контроль. По окончании курса обучения итоговый контроль принимается в виде экзамена. Баллы, полученные обучающимся на каждом уровне контроля, могут оцениваться в зависимости от степени освоения учебного материала в пределах шкалы оценок от «А» до «F». По результатам успеваемости на курсе обучения выводится средний балл GPA, который ежегодно увеличивается (GPA для бакалавриата определяется в 4 раза). Это само по себе преследует цель повышения качества знаний по специальным дисциплинам [2].

Система кредитного обучения зависит от изменения позиций преподавателя и обучающегося в учебном процессе, так как эта система

пассивно превращает обучающихся в активных участников учебного процесса. В то же время меняется и роль преподавателя, который больше не является источником передачи информации, а, наоборот, ведет и стимулирует обучающихся к поиску информации, ее освоению, дальнейшему применению накопленных знаний на практике, становится путеводителем на пути обучения и направляет его на поиск новых знаний посредством упорной самостоятельной работы.

В связи с этим возникает ряд психолого-педагогических проблем, которые можно классифицировать как:

- 1) адаптация обучающегося к новой системе;
- 2) адаптация преподавателя к новой системе.

В наше учебное заведение приходят слушатели с высшим образованием, получившие его в военном учебном заведении (училище) по традиционной системе. В ходе обучения они «по-привычке» надеются получить всю необходимую информацию от преподавателя, но кредитная технология предполагает ее получение и накопление за счет самостоятельного поиска и анализа всей интересующей информации. Практика показывает, что обучающиеся не всегда готовы к такому объему самостоятельной работы, так как у них недостаточно навыков в самостоятельном поиске информации.

Для решения этой проблемы в университете унифицирован алгоритм поэтапной интеграции слушателей в систему кредитного обучения. При прибытии в стены университета в течение недели обучаемым предоставляется возможность ознакомиться с презентациями всех дисциплин кафедры. На основе типового учебного плана им отводится время на составление индивидуального учебного плана и каталога элективных дисциплин. В этой работе этого им оказывает помощь эдвайзер – преподаватель, выполняющий функции академического наставника обучающегося по соответствующей образовательной программе, оказывающий содействие в выборе траектории

обучения (формировании индивидуального учебного плана) и освоении образовательной программы в период обучения.

В течение первых двух-трех месяцев планируется изучение только общеобразовательных предметов, а в дальнейшем с увеличением нагрузки будут преподаваться тактические и тактико-специальные дисциплины. В этом случае предусматривается постепенная интеграция обучающихся в новую учебную среду, и к моменту решения первых комплексных тактических задач (через четыре месяца) они смогут свободно ориентироваться в кредитной технологии и рационально использовать свои усилия и время, что повысит их качество обучения.

Процесс адаптации преподавателя к новой рабочей ситуации также требует принятия определенных мер. При кредитной системе обучения преподаватель работает в более строгих условиях. Его успех зависит от качества курса, методического, информационного обеспечения, коммуникативных способностей. Сложности возникают и при разработке рабочих программ, которые должны быть написаны в новом стиле и форме. При этом повышается значение методических разработок, раздаточных материалов. При реализации кредитной технологии преподаватель должен иметь всю информацию и обладать глубокими знаниями преподаваемого предмета.

Пути решения этой проблемы следующие: постоянное совершенствование педагогического мастерства; повышение квалификации организаторов учебного процесса. Эти пути являются особенностями кредитной технологии обучения.

С этой целью в течение 2006-2015 гг. в университете 85% профессорско-преподавательского состава прошли курсы повышения квалификации по теме «Организация учебного процесса по кредитной технологии обучения» в Академии государственного управления при Президенте Республики

Казахстан. С 2015 года на постоянной основе не реже одного раза в четыре года каждый преподаватель проходит курсы повышения квалификации, направленные на повышение интеллектуального и профессионального уровня, методической подготовленности, обучение современным педагогическим технологиям и ознакомление с новыми инновационными подходами при внедрении образовательных технологий.

Помимо вышеперечисленных проблем существует ряд других. Внедрение системы кредитного обучения требует расширения соответствующей учебно-методической, материально-технической и научной базы, в том числе библиотечного фонда (развитие электронной библиотеки, а не только увеличение количества бумажных носителей), полиграфической базы. Она должна своевременно обеспечить каждого обучающегося учебно-методическим комплексом дисциплины, компьютерной базой и технологиями. Данная система предусматривает свободный доступ ко всем комплексам учебных средств, включая традиционную систему (лабораторное оборудование, приборы, компьютеры, видео, слайд-проекторы, аудиоаппаратура) и мультимедийные, виртуальные учебные комплексы и т. д.

Таким образом, внедрение кредитной технологии обучения является современным требованием, однако для ее полноценного применения в военном образовании необходимо учитывать специфику подготовки военных специалистов. Для упорядочения вышеуказанных вопросов необходимо проведение специальных исследований, анализ и обобщение опыта передовых стран, а также разработка обоснованных научно-методических рекомендаций по подготовке военных специалистов по уровням «бакалавриат-магистратура-докторантура».

Использованные источники:

1. Правила организации учебного процесса по кредитной технологии обучения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <https://www.educontrol.kz/>- (дата обращения: 28.05.2026).
2. Типовые правила приема на обучение в организации образования, реализующие профессиональные учебные программы послевузовского образования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <https://www.educontrol.kz/>- (дата обращения: 28.05.2026).

УДК 378.12

*Кукуляр А. М., кандидат психологических наук,
доцент*

кафедра «психологии и педагогики»

ЧОУ ВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»

Россия, г. Ростов-на-Дону

ОСОБЕННОСТИ БАЗИСНЫХ УБЕЖДЕНИЙ И СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У СОТРУДНИКОВ ВУЗА

***Аннотация:** Современное высшее образовательное учреждение - сложная развивающая система, которая требует грамотного управления и мастерства от всего персонала. Целью исследования выступает изучение особенности базисных убеждений и стратегий совладающего поведения у сотрудников вуза. Методики исследования: 1) «Шкала базисных убеждений» (ШБУ) в модификации М. А. Падун, А. В. Котельниковой; 2) Опросник проактивного совладающего поведения (копинга) в адаптации Е.С. Старченковой; 3) «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана; 4) «Индекс жизненного стиля» (Life Style Index, LSI) Плутчик, Келлерман, Конте. Статистический анализ производился по U-критерию Манна-Уитни. Полученные результаты исследования могут быть использованы психологическими службами вузов, а также представлены руководителям аппарата управления для улучшения качества профессиональной деятельности и понимания личностных особенностей сотрудников учебно-вспомогательного персонала вуза, а также специалистами, работающими в сфере отбора персонала в вузы.*

***Ключевые слова:** базисные убеждения, совладающее поведение, руководители вуза, учебно-вспомогательный персонал вуза.*

*Kukulyar A. M., candidate of psychological sciences,
associate professor
department of psychology and pedagogy
CHOU VO "S.Y. Witte Moscow University»
Russia, Rostov-on-Don*

FEATURES OF BASIC BELIEFS AND COPING STRATEGIES AMONG UNIVERSITY STAFF

Annotation: *A modern higher education institution is a complex developing system that requires competent management and skill from all staff. The purpose of the study is to study the features of the basic beliefs and coping strategies of university staff. Research methods: 1) The "Scale of basic beliefs" (SBU1) as modified by M. A. Padun, A.V. Kotelnikova; 2) The questionnaire of proactive coping behavior (coping) adapted by E.S. Starchenkova; 3) "Methods of coping behavior" by R. Lazarus and S. Folkman; 4) "Life Style Index" (LSI) Plutchik, Kellerman, Conte. Statistical analysis was performed according to the Mann-Whitney U-test. The obtained research results can be used by the psychological services of universities, as well as presented to the heads of the management staff to improve the quality of professional activity and understand the personal characteristics of the staff of the educational and support staff of the university, as well as specialists working in the field of personnel selection in universities.*

Keywords: *basic beliefs, coping behavior, university leaders, university teaching and support staff.*

Введение

В психологической литературе сохраняется неоднородность трактовок содержания типичных копинг-стратегий. Единая схема пока не закрепились. В

отечественных и зарубежных исследованиях описано значительное число классификационных моделей совладающего поведения. Они строятся на разных основаниях: направленности реакции, степени осознанности, адаптивности, временной перспективе, способе переработки стрессовой ситуации. Е. А. Skinner и соавторы указывают, что в подобных систематизациях насчитывается около четырехсот вариантов стратегий преодоления трудных жизненных обстоятельств [1]. Такой разброс сам по себе показателен. Он демонстрирует не слабость понятия, а сложность его операционализации.

Вопрос эффективности копинг-стратегий также остается дискуссионным. Часть исследователей разделяет стратегии совладания на продуктивные, функциональные, непродуктивные и дисфункциональные. Другая позиция строится иначе: полезность рассматривается как внутренний признак самого копинг-поведения. В этом случае совладание описывается как совокупность адаптивных, целенаправленных и потенциально осознаваемых действий, которые субъект последовательно применяет для регуляции стрессового воздействия [2]. Данная трактовка представляется более узкой. Но именно поэтому она удобна для эмпирической проверки.

Изучение феномена профессиональной успешности руководителя образовательной организации показывает, что данный показатель не сводится к одному личностному качеству. Он определяется сочетанием управленческих компетенций, социально-культурных характеристик личности, особенностей мотивационной структуры и способности поддерживать устойчивость профессионального поведения в условиях организационного давления. Большинство авторов отдельно подчеркивает роль мотивационного компонента в достижении управленческого результата [3]. Это важное уточнение: успешность здесь выступает не как абстрактная «эффективность», а как результат согласования внутренних ресурсов и требований

образовательной среды.

Материалы проведенных исследований позволяют разграничивать успешных и менее успешных управленцев, однако точных закономерностей, подтверждающих наличие врожденной предрасположенности к руководству, не выявлено. В качестве критериев результативности управленческой деятельности обычно рассматриваются производительность труда, качество выполненной работы, темп выполнения профессиональных задач, субъективная удовлетворенность деятельностью и достигнутый организационный результат [4]. Эта группа критериев отражает как внешний, так и внутренний контур оценки труда руководителя.

Обобщение психологических характеристик управленцев в сфере образования позволяет выделить ориентировочный профиль успешного руководителя. В него входят предпринимательность, включающая креативность, инициативность, самостоятельность, находчивость и готовность к обоснованному риску; волевая активность; коммуникативная компетентность; гибкость мышления; лидерские качества, проявляющиеся в целеустремленности, уверенности в себе, ответственности и стратегичности; харизматичность; дисциплинированность; способность мотивировать сотрудников и удерживать направление группового движения [5]. Перечень не является закрытым. Он выполняет функцию аналитической рамки для последующего исследования.

Представленный набор характеристик рассматривается нами как систематизированная основа для анализа управленческого поведения. При этом психологические качества не существуют изолированно. На них накладываются социально-культурные, организационные и индивидуально-биографические особенности личности. В условиях конкретной вузовской среды это особенно заметно. Управленец действует не в пустом пространстве, а внутри системы регламентов, подчиненности, отчетности, кадровых

ограничений и постоянной необходимости принятия решений.

На фоне нестабильности рынка образовательных услуг России и, в частности, Ростова-на-Дону, страх возможной утраты рабочего места может выступать одним из факторов изменения совладающего поведения сотрудников. В рамках настоящего исследования это проявляется через данные, полученные на выборке руководящего состава и учебно-вспомогательного персонала вуза. На наш взгляд, именно локальный организационный фон позволяет точнее интерпретировать различия между группами. Абстрактное описание «стресса работников образования» здесь было бы недостаточным.

Цель исследования состояла в изучении особенностей базисных убеждений и стратегий совладающего поведения у сотрудников образовательной организации на примере учебно-вспомогательного и руководящего состава вуза.

В исследовании были выдвинуты два предположения. Первое предположение заключалось в том, что стратегии совладающего поведения у учебно-вспомогательного персонала и руководителей вуза будут различаться. Второе предположение касалось различий в системе базисных убеждений представителей указанных групп.

Методы и методики исследования

В целях реализации комплекса процедур эмпирической проверки были использованы несколько групп методов: сравнительный анализ теоретических подходов, психодиагностическое тестирование, анкетирование, количественная обработка данных и качественное аналитическое сопоставление результатов. Количественный блок включал психометрические методики и методы статистической обработки. Качественный блок был направлен на содержательное сравнение групповых профилей.

Методический инструментарий исследования включал следующие

методики: «Шкала базисных убеждений» Р. Янофф-Бульман в модификации М. А. Падун и А. В. Котельниковой; Опросник проактивного совладающего поведения, Proactive Coping Inventory, PCI, в адаптации Е. С. Старченковой; методику «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана; опросник Плутчика — Келлермана — Конте «Индекс жизненного стиля», Life Style Index, LSI.

Эмпирический объект исследования был представлен двумя группами. Первая группа включала учебно-вспомогательный персонал вуза в количестве 40 человек. Вторая группа состояла из руководителей различных отделов вуза в количестве 30 человек. Такое деление позволило сопоставить сотрудников, находящихся в разных позициях организационной ответственности.

Результаты исследования

В ходе эмпирического изучения особенностей базисных убеждений и стратегий совладающего поведения у сотрудников образовательной организации были получены следующие данные.

В группе учебно-вспомогательного персонала низкий уровень чувства безопасности выявлен у 13 человек, что составляет 32%. Средний уровень зафиксирован у 12 респондентов, то есть у 30% выборки. Высокий уровень отмечен у 15 человек, что соответствует 38%. В группе руководящего состава распределение оказалось иным: низкий уровень чувства безопасности выявлен у 4 человек, или 13,5%; средний уровень — у 15 человек, или 50%; высокий уровень — у 11 человек, или 36,5%. Данный результат показывает, что у руководителей чаще фиксируется средняя выраженность чувства безопасности. Это может отражать большую включенность в систему контроля и принятия решений.

Согласно показателям проактивного совладающего поведения, у руководства вуза наиболее ярко выражены шкалы превентивного преодоления, а именно 58%, проактивного преодоления, а именно 52%, и

рефлексивного преодоления, а именно 50%.

У представителей же учебно-вспомогательного персонала самые высокие значения получены по шкалам рефлексивного преодоления — 68%, менее ярко выражены проактивное преодоление — 61% и превентивное преодоление — 63%. Средний уровень выраженности выявлен по таким шкалам, как поиск эмоциональной поддержки — 53%, стратегическое планирование — 53%, поиск инструментальной поддержки — 53%.

Согласно этим данным, можно выделить одну особенность. УВП демонстрирует не пассивную реакцию на стресс, а выраженную ориентировку на предварительное осмысление и готовность к трудностям.

По методике Р. Лазаруса и С. Фолкмана у респондентов из группы УВП наиболее яркими являются конфронтационный копинг, а именно 61%, а также планирование решения проблемы — 56% и поиск социальной поддержки — 50%.

У руководителей ведущими копинг-стратегиями являются планирование — 77%, переоценка — 62% и самоконтроль — 62%. Для руководящего состава, согласно полученным данным, наиболее характерным является управленческий способ переработки стрессовой ситуации. Они пытаются удержать контроль, рационализировать и построить конкретный план действий.

Показатели механизмов психологической защиты у сотрудников УВП в целом находятся в пределах нормативных значений, предусмотренных методикой. Исключение составляют шкалы проекции — 75% и вытеснения — 60%, которые выходят за границы нормы и оцениваются как высокие. В группе руководителей большинство шкал также находится в нормативном диапазоне 40–50%. При этом повышенные значения выявлены по шкалам компенсации — 60%, рационализации — 58% и регрессии — 52%. Такой профиль может указывать на различие способов внутренней переработки

напряжения: у УВП сильнее выражено вынесение напряжения вовне, у руководителей — его объяснение, перекрытие и частичная переработка через рациональные конструкции.

Статистический анализ выявил достоверно значимые различия между учебно-вспомогательным персоналом и руководящим составом вуза по ряду базисных убеждений: доброжелательность окружающего мира — $U=391$ при $p \leq 0,05$; удача — $U=376$ при $p \leq 0,05$; убеждение о контроле — $U=432$ при $p \leq 0,05$. Эти различия имеют содержательное значение. Они показывают, что группы отличаются не только поведенческими реакциями, но и базовыми представлениями о предсказуемости, безопасности и управляемости жизненной ситуации.

По видам проактивного совладающего поведения достоверные различия выявлены по шкалам проактивного преодоления — $U=372$ при $p \leq 0,05$; превентивного преодоления — $U=376$ при $p \leq 0,05$; рефлексивного преодоления — $U=426$ при $p \leq 0,05$. Значения, представленные выше, подтверждают, что то, как преодолевают стресс и как осмысляют трудности, неодинаково представлено у сотрудников разных организационных уровней.

Между группами УВП и руководителей обнаружены достоверно значимые различия по показателям, связанным с копинг-стратегиями, а именно: положительная переоценка — $U = 428$ при $p \leq 0,05$, планирование решения проблемы — $U = 489$ при $p \leq 0,05$, самоконтроль — $U = 376$ при $p \leq 0,05$, а также бегство и избегание — $U = 364$ при $p \leq 0,05$.

Данные результаты имеют значение в контексте интерпретации. Они показывают, что руководство значительно чаще использует стратегии переработки, контроля и планирования, тогда как УВП имеет большую вариативность реакций на стрессовые ситуации.

Анализ статистических данных по механизмам психологической защиты позволяет сделать вывод, что сотрудники университета обращаются к

регрессии — $U = 321$ при $p \leq 0,05$, рационализации — $U = 363$ при $p \leq 0,05$, и проекции — $U = 424$ при $p \leq 0,05$.

Данные результаты отражаются в поведенческих реакциях, а также могут проявляться в снижении эмоциональной зрелости реагирования, поиске внешнего источника проблемы и, соответственно, объяснении собственных действий через внешний источник, а также в попытке объяснить собственные действия через приемлемые рациональные основания.

В организационной среде такие реакции часто незаметны напрямую, но они могут влиять на коммуникации между сотрудниками.

Заключение

Полученные эмпирические данные позволяют констатировать подтверждение гипотезы о различиях стратегий совладающего поведения у учебно-вспомогательного и руководящего состава вуза. Различия выявлены по ряду параметров проактивного совладания, классических копинг-стратегий и механизмов психологической защиты.

Вторая гипотеза, согласно которой базисные убеждения учебно-вспомогательного персонала и руководителей вуза имеют различия, также получила подтверждение. Особенно значимыми оказались показатели доброжелательности окружающего мира, удачи и убеждения о контроле. Эти параметры задают глубинный фон восприятия профессиональных трудностей.

Эмпирические результаты позволяют рассматривать совладающее поведение сотрудников образовательной организации как многоуровневый феномен. Он включает не только конкретные способы реагирования на стресс, но и систему базисных убеждений, защитных механизмов, профессиональных ожиданий и организационного положения сотрудника. Именно эта связка представляется наиболее продуктивной для дальнейшего анализа.

В качестве перспективы дальнейшей работы может быть разработана

программа тренинга для руководящего состава различных подразделений вуза. Ее целесообразно направить на оптимизацию психологического сопровождения профессиональной деятельности, развитие конструктивных копинг-стратегий, повышение рефлексивности и снижение дезадаптивных защитных реакций.

Результаты исследования могут быть использованы психологической службой вуза, руководителями аппарата управления и специалистами по подбору персонала в образовательные организации. Практическая значимость полученных данных состоит в возможности более точного понимания личностных особенностей сотрудников учебно-вспомогательного персонала и руководящего состава, а также в разработке комплекса мер по повышению эффективности механизмов психологического сопровождения работников высшей школы.

Использованные источники:

1. Трущенко М. Н. Проблема совладающего поведения в психологической литературе // Психологические науки: теория и практика: материалы междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2012 г.). — М.: Буки-Веди, 2012. — С. 13-16.
2. Нартова-Бочавер С.К. «Coping Behavior» в системе понятий психологии личности// Психологический журнал. 2007. Т.18, N 5. С. 20–30.
3. Бондаренко И.Н. Личностные детерминанты процессуальной мотивации трудовой деятельности: Автореф... дис. канд. пс. наук. - Москва: 2010. (Режим доступа URL: <http://www.dissercat.com/> 20.05.2026).
4. Герчиков В.И. Управление персоналом: работник - самый эффективный ресурс компании. Учебное пособие. - М.: ИНФРА-М, 2018.
5. Горшкова О.Н. Управление трудовой мотивацией в организации: социологический факторный анализ: Автореф... дис. канд. социол. наук. - Челябинск: 2011. (Режим доступа URL: <http://www.dissercat.com/> 20.05.2026).

УДК 159.9:37.013

Легконогих Р. Р.

студент

Научный Руководитель: Лобанова Е. Е., к.п.н

Кубанский Государственный Аграрный Университет

имени И.Т.Трубилина

Россия, г. Краснодар

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО

***Аннотация:** В статье рассматривается феномен психологической устойчивости (резилентности) как ключевой компетенции специалиста XXI века. Анализируются теоретические подходы к определению понятия, структурные компоненты устойчивости личности, а также современные методы её формирования в образовательной и профессиональной среде. Показана взаимосвязь психологической устойчивости с эффективностью деятельности, удовлетворённостью жизнью и способностью адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Сделан вывод о необходимости целенаправленного развития данной компетенции в системе высшего профессионального образования.*

***Ключевые слова:** психологическая устойчивость, резилентность, компетенции будущего, личностное развитие, адаптация, стрессоустойчивость, образование.*

Legkonogih R. R.

student

Scientific Supervisor: Lobanova E. E.

Kuban State Agrarian University named after I.T.Trubilin

Russia, Krasnodar

THE DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGICAL RESILIENCE AS A KEY COMPETENCY OF THE FUTURE

Abstract: *The article examines the phenomenon of psychological resilience as a key competency of a 21st century specialist. The author analyzes theoretical approaches to the definition of the concept, structural components of personal resilience, and modern methods of its formation in educational and professional environments. The relationship between psychological resilience and work effectiveness, life satisfaction, and the ability to adapt to rapidly changing conditions is demonstrated. The conclusion is drawn about the need for purposeful development of this competency in the system of higher professional education.*

Keywords: *psychological resilience, resilience, future competencies, personal development, adaptation, stress tolerance, education.*

Введение

Современный мир меняется так быстро, что слово «развитие» уже звучит слишком мягко: технологические скачки, цифровизация почти всех сфер жизни, экономическая нестабильность и социальные сдвиги создают для профессиональной деятельности человека совсем другую среду.

В таких условиях привычные жёсткие навыки, или *hard skills*, уже не выглядят главными. На первый план выходят качества, которые помогают человеку держаться и сохранять внутреннюю цельность, когда вокруг всё давит и шатается. И среди них психологическая устойчивость, или резилентность, занимает особое место.

Почему эта тема так важна? По данным Всемирной организации здравоохранения, к 2030 году депрессия выйдет на первое место среди причин нетрудоспособности в мире. Уже сейчас синдром профессионального выгорания признан официальным заболеванием, а тревожные расстройства у

работников умственного труда растут год за годом.

В такой ситуации психологическая устойчивость уже не выглядит просто личным ресурсом отдельного человека. Она становится стратегической компетенцией - и для личности, и для организаций, и для общества в целом.

Цель настоящей статьи - систематизировать теоретические подходы к понятию психологической устойчивости, выделить её структурные компоненты и обосновать методы целенаправленного развития этой компетенции в образовательном процессе.

Теоретические подходы к понятию психологической устойчивости

Понятие «психологическая устойчивость» (от англ. *resilience* - упругость, эластичность) сначала использовалось в физике для описания способности материала возвращать форму после деформации. В психологию этот термин пришёл в 1970-х годах благодаря работам американского психолога Эмми Вернер, которая изучала детей, показывавших нормальное развитие, хотя росли они в неблагоприятных социальных условиях.

В отечественной психологии близкие по смыслу идеи развивались в рамках теории психологических защитных механизмов (З. Фрейд, адаптированной А.Н. Леонтьевым), теории совладающего поведения (К.А. Абульханова-Славская), а также концепции жизнестойкости С. Мадди, которая получила широкое распространение после переводов и адаптаций Д.А. Леонтьева.

Большинство современных исследователей сходятся в одном: психологическая устойчивость - это не застывшая черта личности, а процесс позитивной адаптации в условиях серьёзных трудностей. Такое понимание, предложенное М. Раттером, важно по двум причинам: оно убирает представление об устойчивости как о врождённом качестве и одновременно показывает, что её можно развивать целенаправленно.

Структурные компоненты психологической устойчивости

Анализ литературы позволяет выделить несколько ключевых компонентов, из которых и складывается структура психологической устойчивости.

Эмоциональная регуляция - это способность осознавать, принимать и управлять своими эмоциями, не загоняя их внутрь. Исследования показывают: люди с высоким уровнем эмоциональной регуляции заметно быстрее приходят в себя после стрессовых событий и реже сталкиваются с хроническим стрессом.

Когнитивная гибкость - умение пересматривать ситуацию, смотреть на проблему с разных сторон и находить нестандартные решения. Этот компонент тесно связан с идеей установки на рост (growth mindset) К. Двек: люди, которые видят в трудностях шанс для развития, а не угрозу, проявляют более высокую устойчивость.

Социальная поддержка и связанность — это качество отношений с другими людьми, которое даёт человеку ресурсы для преодоления трудностей. Многочисленные лонгитюдные исследования подтверждают: надёжные социальные связи - один из самых надёжных предикторов психологической устойчивости.

Осмысленность и ценностная ориентация - наличие ясного понимания смысла своей деятельности и собственных жизненных ценностей. Этот компонент подробно описал В. Франкл в концепции логотерапии: человек, у которого есть ощущение смысла, способен переносить почти любые внешние обстоятельства.

Самоеффективность - убеждённость человека в том, что он способен справляться с трудностями. А. Бандура показал, что самоеффективность формируется через опыт успешного преодоления препятствий и может целенаправленно развиваться в образовательной среде.

Психологическая устойчивость в контексте требований рынка труда

Форумы и исследования ведущих HR-компаний - McKinsey, Deloitte, World Economic Forum - довольно чётко фиксируют, как меняется портрет востребованного специалиста. Если в 2015 году в числе ключевых компетенций на первом месте были технические навыки и управление людьми, то к 2025 году вперёд вышли критическое мышление, эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость и адаптивность. По сути, речь идёт именно о тех качествах, которые и составляют психологическую устойчивость.

Особенно заметна роль резилентности в работе с неопределённостью - в так называемой VUCA-среде (Volatility, Uncertainty, Complexity, Ambiguity). В таких условиях линейные алгоритмы принятия решений уже не справляются, а успех специалиста во многом зависит от того, умеет ли он сохранять ясность мышления под давлением, быстро переключаться между задачами и восстанавливаться после неудач, не теряя мотивации.

И тут есть ещё один важный момент: психологическая устойчивость имеет вполне конкретное экономическое измерение. По данным Американского института стресса, потери американской экономики от стресса на рабочем месте превышают 300 миллиардов долларов в год. Организации, которые вкладываются в развитие психологической устойчивости сотрудников, показывают более низкую текучесть кадров, более высокую вовлечённость персонала и лучшие финансовые результаты.

Методы развития психологической устойчивости в образовательной среде

Поскольку психологическая устойчивость - это развиваемая компетенция, а не врождённое свойство, система образования сталкивается с задачей: как формировать её на практике. Анализ современных образовательных программ позволяет выделить несколько подходов, которые

дают заметный результат.

Практики осознанности (mindfulness). Научно обоснованные программы снижения стресса на основе осознанности (MBSR, разработанная Дж. Кабат-Зинном) показывают устойчивый эффект в укреплении эмоциональной регуляции. Метааналитические исследования подтверждают, что 8-недельные курсы осознанности помогают снижать тревожность и повышать психологическую устойчивость у студентов.

Когнитивно-поведенческие техники. Методы когнитивной реструктуризации, обучение распознаванию когнитивных искажений и работа с иррациональными убеждениями формируют более гибкий стиль мышления. Если включать эти техники в программы психологической подготовки специалистов, можно получить измеримый эффект в снижении профессионального выгорания.

Проектное обучение и моделирование стрессовых ситуаций. Когда студентам дают контролируемо столкнуться с неопределённостью и сложностью в образовательной среде, у них появляется реальный опыт преодоления трудностей, а именно на нём и строится самооэффективность. Тут особенно важен рефлексивный разбор пережитого опыта под руководством опытного наставника.

Развитие социального капитала. Групповые форматы обучения, программы наставничества и создание поддерживающих профессиональных сообществ укрепляют социальный компонент резилентности. Исследования показывают, что студенты, включённые в устойчивые учебные группы с позитивным климатом, демонстрируют более высокую академическую успешность и психологическое благополучие.

Формирование ценностно-смысловой сферы. Дисциплины, которые связаны с профессиональным самоопределением, этикой специальности и осмыслением личной миссии, усиливают смысловой компонент устойчивости.

Это направление особенно актуально для специалистов помогающих профессий, у которых риск выгорания особенно высок.

Заключение

Психологическая устойчивость — это многокомпонентная, динамическая и развиваемая компетенция, значение которой в современном мире постоянно растёт. В её структуру входят эмоциональная регуляция, когнитивная гибкость, социальная связанность, осмысленность деятельности и самоэффективность.

Востребованность этой компетенции подтверждается и запросами рынка труда, и масштабом социально-экономических потерь, связанных с психологическим неблагополучием работников. Отсюда и необходимость целенаправленно формировать её в системе высшего профессионального образования - через практики осознанности, когнитивно-поведенческие техники, проектное обучение и развитие смысловой сферы студентов.

Перспективным направлением дальнейших исследований выглядит разработка валидных инструментов измерения психологической устойчивости именно как компетенции, а не как черты личности, а также лонгитюдная оценка эффективности образовательных программ, направленных на её развитие.

Использованные источники:

1. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. – М. : Смысл, 2006. – 63 с.
2. Мадди С. Жизнестойкость: открытие, измерения и применения // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26, № 5. – С. 73–82.
3. Rutter M. Resilience as a dynamic concept // Development and Psychopathology. – 2012. – Vol. 24, No. 2. – P. 335–344.
4. Двек К. Образ мышления. Новая психология успеха. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 352 с.

5. Kabat-Zinn J. Full Catastrophe Living: Using the Wisdom of Your Body and Mind to Face Stress, Pain, and Illness. – New York: Bantam Books, 2013. – 720 p.
6. World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2023. – Geneva: WEF, 2023. – 303 p. – URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2023>
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
8. Бандура А. Теория социального научения. – СПб.: Евразия, 2000. – 320 с.
9. American Institute of Stress. Workplace Stress Statistics 2023. – URL: <https://www.stress.org/workplace-stress>
10. Feder A., Nestler E.J., Charney D.S. Psychobiology and molecular genetics of resilience // Nature Reviews Neuroscience. – 2009. – Vol. 10. – P. 446–452.

Пугайкина А. В.

студент

факультет истории и права

Научный руководитель:

Шулугина Г. А., кандидат философ-х наук,

доцент

кафедра права и философии

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический

университет имени М. Е. Евсевьева»

г. Саранск, Россия

ЗНАЧИМОСТЬ МУЛЬТИМЕДИА–ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ

***Аннотация:** Статья направлена на изучения истории внедрения мультимедиа-технологий в образовательный процесс, раскрытие проблем и противоречий использования данных технологий в учебном процессе, анализ положительных и отрицательных аспектов.*

***Ключевые слова:** Мультимедиа, мультимедиа-технологии, мультимедийные технологии, образование, обучение, учебный процесс, образовательный процесс*

Pugaykina A. V.

student

faculty of history and law

Scientific supervisor: Shulugina G. A., candidate of philosophical sciences,

associate professor

department of law and philosophy

Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev"

Saransk, Russia

THE IMPORTANCE OF MULTIMEDIA TECHNOLOGIES IN THE EDUCATION PROCESS

Abstract: *The article aims to study the history of the introduction of multimedia technologies into the educational process, reveal the problems and contradictions of using these technologies in the educational process, and analyze the positive and negative aspects.*

Keywords: *Multimedia, multimedia technologies, multimedia technologies, education, training, educational process, educational process*

Мультимедиа – довольно новое слово, которое стало модно использовать среди современной молодежи и интеллигенции. Оно характеризует способ хранения информации в компьютерных технологиях в виде современного контента на определенной платформе. К нему относятся презентации, видеоролики, интерактивные тесты, кейсы и многое другое. Мультимедиа, как средство получения и передачи информации, получило особый виток популярности в последние несколько лет. Такой феномен успешности можно легко объяснить тем, что знания, содержащиеся на таких платформах, довольно понятны и интересны. Они легко запоминаются, что упрощает обработку и понимание материала. Естественным образом в образовательном процессе мультимедийные технологии также нашли свою нишу для реализации своих функций. Мультимедийные технологии особо привлекательны в использовании и тем, что вносят новый виток в систему усвоения знаний в сравнении с традиционными методами образования. Они отличаются нестандартной подачей материала и новыми, еще не изжившими себя возможностями [7].

С одной стороны, новейшие способы подачи и получения информации являются наиболее прогрессивными и удобными; с другой – такая возросшая

популярность мультимедийных технологий в сфере образования создает проблематику, которая при условии активного внедрения мультимедиа-технологий остается весьма актуальной. Возникает весьма значимый вопрос: так ли совершенен интерактивный способ обучения с помощью мультимедийных технологий или в нем присутствуют противоречия и недостатки? Можем ли мы сегодня обойтись без использования мультимедийных средств для получения качественных знаний?

Для оправданного и эффективного использования мультимедийных средств обучения в учебном процессе необходимо учитывать их основные положительные и отрицательные аспекты. Также в первую очередь необходимо обратиться к истокам формирования понятия «мультимедиа», определить, каким образом оно внедрилось в систему образования и как мультимедиа-технологии работают сегодня.

Само происхождение понятия происходит от латинского слова «multum», что в переводе означает «много», и «medium» — «среда». Таким образом, мультимедиа означает «многосредность». Впервые данный термин человечество услышало благодаря Б. Голдстейну в июле 1966 года, который использовал его для рекламы своей телевизионной программы «Световые работы в L'Oursin». Шоу славилось сочетанием световых и цветовых изображений, а также необычным звучанием. Весь секрет был в создании визуальной машины, пародирующей музыку. Зритель наслаждался представлением, которое вобрало в себя синхронизацию различных эффектов. В него вошли свет, музыка, привлекающие взгляд картинки, плавно сменяющие друг друга. В слово «мультимедиа» Голдштейн вкладывал не только технологические возможности компьютера, но и влияние на эмоциональный спектр человека. Уже в конце 1970-х годов «мультимедиа» определялось как красочные компьютерные средства подачи информации. В 1988 году Европейская комиссия по проблемам внедрения и использования

новых технологий предложила дать слову «мультимедиа» официальный статус. Мультимедийные технологии должны были иметь определенные черты: наличие изображения, текста, звука, анимации, интерфейса. Кроме того, они в обязательном порядке должны были быть подвластны управлению со стороны человека [3].

Вскоре мультимедийные технологии захватили и сферу образовательного процесса. Первой успешной попыткой в данной области стало создание специального проекта для школьников «Портрет» в Великобритании. Идея этого эксперимента заключалась в возможности восполнения знаний, которые ученики не усвоили по ряду причин. Для реализации проекта авторы условно поделили территорию страны на несколько блоков. Каждый блок был оснащен электронным опросником, в котором содержались вопросы, касающиеся истории культурных объектов: музеев, библиотек, статуй, церквей, заводов, станций и т. д. Если обучающиеся затруднялись дать правильный ответ, они могли найти подсказку, изучив информацию на экране с описанием конкретного исторического наследия. Когда стало понятно, что проект достиг своей цели, в данные опросники добавили биографии значимых личностей. Таким образом, прорыв в освоении мультимедийных технологий показал, что современное компьютерное оснащение может удачно применяться в образовании, внося ценный вклад [1].

Российская образовательная деятельность определила место электронных технологий в 1980-е годы. В то время в школах стали появляться первые компьютеры. Они значительно облегчили обработку большого количества информации, однако еще не оказали большого влияния на образовательную практику самих школьников. В 1990 году мультимедийные технологии все еще не пользовались спросом на отечественных просторах. Уже через два года Госкомвуз принял первую научно-техническую программу «Мультимедиа-технологии»; именно тогда на свет и появились русские

мультимедиа технологии. В 1995 году данная программа получила признание в университетах и других научно-образовательных сообществах. В 2000-х годах компьютеры стали появляться не только в городских, но и в сельских школах [5].

За последние 10 лет трудно представить образование без использования мультимедийных технологий. Педагоги и учителя все чаще прибегают к онлайн-тестированию, показу презентаций на уроках и использованию учебных видеороликов в конкретных областях знаний. Только за последние несколько лет мы можем заметить рост популярности мультимедийных технологий, которые обладают видимым преимуществом по сравнению с классическими способами обучения. Согласно отчетам европейских образовательных платформ, количество студентов, которые выбрали полностью дистанционные программы, увеличилось более чем на 30% по сравнению с 2020 годом. Особый интерес среди отечественных данных вызвала статистика, собранная Минобрнауки. Можно сделать вывод о том, что за последние пять лет количество российских обучающихся онлайн выросло в 2,6 раза — с 3,1 млн до 8,1 млн человек. Если рассматривать непосредственно школьное образование, то на просторах сети Интернет можно обнаружить следующие факты: к началу 2024 года более 14 миллионов обучающихся (80,7% от общей численности школьников) получили возможность бесплатного доступа к верифицированному цифровому образовательному контенту; около 1,4 миллиона педагогических работников подключены к федеральной информационно-сервисной платформе цифровой образовательной среды; по данным правительственного доклада, компьютерным оборудованием оснащены 51% российских школ; к концу 2023 года около 99,67% общеобразовательных организаций обеспечены доступом к интернету; в библиотеку проекта «Московская электронная школа» (МЭШ), который стал основой для федеральной системы «Моя школа», загружено

почти 1,7 миллиона учебных материалов, и ею пользуются более 6 миллионов человек по всей России. К 2026 году практически не осталось учебных заведений без технической оснащённости [6].

Поняв, как мультимедиа-технологии внедрились в процесс образования, подробнее изучим причины возросшей популярности данных технологий и определим противоречия их использования, выявив плюсы и минусы.

Несомненными положительными аспектами мультимедийных технологий в образовании являются следующие качества: широкий цветовой диапазон графического изображения, анимация, звуковое оснащение с возможностью использования гипертекста, функция частичного усовершенствования, размещение различных веб-элементов и возможность нелинейного прохождения материала благодаря множеству гиперссылок. Среди преимуществ можно также отметить возможность настройки компьютерной техники под удобный интерфейс, огромное количество изображений, информации и способов подачи материала для развития конкретных личностных качеств обучающихся, интересный способ изложения, творческую реализацию и возможность напрямую взаимодействовать с нужным предметом знаний [4].

Широкие, практически неограниченные возможности мультимедийных технологий просты и понятны в управлении, поэтому позволяют в полной мере реализовать замысел и исполнение как педагога, так и ученика. Однако такой доступный образовательный инструмент должен иметь некоторые ограничения, так как цели, которые достигаются с помощью мультимедийных технологий, не всегда являются благоприятными. Обучающийся может поддаваться соблазну: не решить задачу, использовав современного помощника, а полностью списать работу. Примером может служить то, что во время творческого задания ученик часто может просто скопировать готовую чужую работу, не приняв никакого личного творческого участия. Пожалуй, это

является самым главным минусом мультимедиа. Обилие уже готового продукта не дает педагогу понять, был ли действительно вклад ученика в задание. Следующим отрицательным нюансом является ненадежность использования самих мультимедийных технологий. Под данным утверждением понимаются такие факторы, как: технические поломки, длительные загрузки, нестабильное подключение к интернету, сбой веб-сайта из-за большого количества пользователей на платформе, спам, кража данных, слишком большой вес файла, разные системы компьютеров, которые приводят к невозможности показа мультимедиа-продукта. В таких ситуациях необходимо обратить внимание на «учебное сотрудничество», то есть договоренность об использовании конкретных систем и ограничений, о том, каким образом должна быть продемонстрирована мультимедийная работа. Педагог должен уточнить, все ли могут принять участие в данном взаимодействии, комфортна ли и удобна обучающимся такая деятельность. К сожалению, на практике такие моменты не всегда учитываются [2].

Проанализировав ряд положительных и отрицательных аспектов мультимедиа-технологий, мы можем сказать, совершенен или нет такой способ усвоения информации. На основе анализа возможностей интерактивного метода обучения напрашивается вывод: мультимедийные технологии, несмотря на свои разнообразные и удивительные функции, на 2026 год пока далеки от идеала. Во-первых, важно отметить, что осведомленность о том, какие конкретные компоненты мультимедийных технологий дают сбой в достижении поставленной педагогической цели, не всегда дает возможность это исправить обычным человеческим учебным единицам. Простыми словами, технические неполадки реально устранить, но это сложно сделать обычным учителям или школьникам. Также необходимо направить отдельные силы на достижение гармонии между человеческим и компьютерным потенциалом. К данной категории относятся: обратная связь

между участниками мультимедийной деятельности; новая форма работы, при которой сочетаются позиции ученика и педагога. Обучение, опирающееся на мультимедиа-технологии не совершенно, но при грамотном подходе к такой системе получения образования можно избежать неполадок.

Возможно ли достичь высокого уровня знаний без современных мультимедийных инструментов, опираясь на нынешние реалии? Сегодня технические средства слишком глубоко проникли в учебный процесс. Трудно вообразить школьное пространство без виртуальных помощников в обучении, например, интерактивной доски, электронного журнала или «Якласса». Мультимедийные технологии стали проводником в учебном занятии. Они модернизировали процесс получения знаний, подняв уровень вовлеченности и заинтересованности школьников. Конечно, немалая часть преподавательского состава до сих пор не использует открывшиеся возможности, при этом сохраняя, а где-то и повышая общий процент успеваемости. Таким образом, можно сделать вывод о том, что мультимедийный аппарат не является обязательным и главным инструментом для качественного освоения предметной области знаний, но делает учебную деятельность более привлекательной.

Использованные источники:

1. Зайцев, В. С. Мультимедийные технологии в образовании : современный дискурс/ В. С. Зайцев. – Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2018. – 30 с. – ISBN 978-5-93162-102-9. – Текст: непосредственный.
2. Красильников, В. А. Использование информационных и коммуникационных технологий в образовании / В. А. Красильников. – Москва: Бибком, 2023. – 407 с. – ISBN 978-5-4458-3001-6. – Текст: непосредственный.
3. Оттеген, К. Ж. Применение мультимедиа технологий в образовательном процессе / К. Ж. Оттеген, Л. Акзулла, С. И. Туреханова / Текст:

непосредственный // Международный журнал экспериментального образования. – 2017. – № 4. – С. 174 – 175.

4. Половина, Г. Б. Интеграция мультимедийных технологий с традиционными учебными дисциплинами в системе повышения квалификации учителей – предметников/ Г. Б. Половина / Текст: непосредственный // Информатика и образование, 2009 – № 5. – С. 116 – 119.

5. Троицкая, Е. А. Информационные технологии в учебном процессе/Е. А. Троицкая, Л. А. Артюшина. – Владимир: ВлГУ, 2020. – 166 с. – ISBN 978-5-9984-1102-1. – Текст: непосредственный.

6. Федущин, Н. И. Применение мультимедийных технологий в образовании / Н. И. Федущин, И. В. Ярощук. – Москва: Горная книга, 2006. – 88 с. – ISBN 978-5-7418-0456-8. – Текст: непосредственный.

7. Хангельдиева, И. Г. Креативные технологии в пространстве современного образования / И. Г. Хангельдиева. – Санкт-Петербург: Планета музыки, 2024. – 180 с. – ISBN 978-5-507-49390-6. – Текст: непосредственный.

УДК 37.091.3:004:77

Семенова М. А.

бакалавр

Тамбовский государственный технический университет

Российская Федерация, г. Тамбов

**ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ
СРЕДСТВАМИ ФОТОГРАФИИ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
СРЕДЕ**

***Аннотация.** В тезисах рассматривается фотография как средство формирования цифровых компетенций обучающихся в цифровой образовательной среде. Актуальность темы связана с возрастанием роли визуальной информации и медиакоммуникации в учебной практике. Цель работы - выявить педагогические возможности фотографии для развития визуальной грамотности, медиаграмотности, цифровой культуры и проектной деятельности. Используются анализ научной литературы, педагогическое наблюдение и обобщение образовательной практики. Сделан вывод о целесообразности включения фотозаданий в цифровое образование при наличии учебной цели, критериев оценки и рефлексии.*

***Ключевые слова:** цифровое образование, цифровые компетенции, фотография, визуальная грамотность, медиаграмотность, образовательные технологии, цифровая культура.*

Semenova M. A.

bachelor

Tambov State Technical University

Russian Federation, Tambov

FORMATION OF DIGITAL COMPETENCIES OF LEARNERS THROUGH PHOTOGRAPHY IN A DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Abstract. *The theses examine photography as a means of developing learners' digital competencies in a digital educational environment. The relevance of the topic is determined by the growing role of visual information and media communication in educational practice. The aim is to identify the pedagogical potential of photography for developing visual literacy, media literacy, digital culture and project-based learning skills. The research is based on analysis of scientific literature, pedagogical observation and generalization of educational practice. It is concluded that photographic tasks can be integrated into digital education when they have a clear learning goal, assessment criteria and reflection.*

Keywords: *digital education, digital competencies, photography, visual literacy, media literacy, educational technologies, digital culture.*

Введение

Цифровая трансформация образования меняет не только средства обучения, но и характер работы обучающихся с информацией. Электронные платформы, мобильные устройства, мультимедийные материалы и визуальные формы коммуникации становятся частью повседневной учебной практики. В этих условиях цифровые компетенции нельзя сводить к владению техникой: они включают поиск, оценку, создание, преобразование и ответственное распространение информации.

Особое значение приобретает визуальный контент. Фотография кажется простой и очевидной формой сообщения, однако ее смысл зависит от ракурса, композиции, подписи, контекста публикации и авторской позиции. Поэтому работа с фотографией может использоваться для развития критического

восприятия изображений, понимания цифровой этики и осознанного создания медиаматериалов.

В педагогическом контексте фотография рассматривается не как искусство и не как профессиональная деятельность, а как образовательная технология, средство визуальной коммуникации и инструмент проектной работы. Цель тезисов - определить возможности использования фотографии для формирования цифровых компетенций обучающихся в цифровой образовательной среде.

Методы и исследование

Исследование имеет качественный и прикладной характер. В его основе лежат анализ научной литературы по цифровым компетенциям, медиаграмотности и визуальной грамотности, педагогическое наблюдение, анализ образовательной практики и сравнительное рассмотрение учебных фотозаданий. Такой подход позволяет оценить фотографию не как отдельный технический навык, а как средство организации учебной деятельности.

В качестве возможных форм работы рассматривались тематическая фотосерия, визуальный дневник, фотоиллюстрация к учебной теме, фотонаблюдение, фотопроект с кратким комментарием и обсуждение фотографии с позиции смысла, достоверности и этичности. Эти задания требуют выбора объекта, создания изображения, отбора результата, объяснения замысла и представления материала в цифровой среде.

В работе не используются статистические данные, выборки респондентов и результаты эксперимента. Выводы основаны на качественном анализе образовательных возможностей фотографии и обобщении практических ситуаций.

Результаты

Анализ показывает, что фотография способствует развитию нескольких взаимосвязанных групп цифровых компетенций. Первая группа связана с

визуальной грамотностью. При создании и обсуждении снимка обучающийся обращает внимание на композицию, свет, ракурс, фон, детали и смысловой центр. Он учится понимать, что изображение является визуальным сообщением, которое можно анализировать и интерпретировать.

Вторая группа относится к медиаграмотности. Фотография позволяет обсуждать достоверность, контекст и возможное воздействие визуального контента. Один и тот же снимок может менять смысл в зависимости от подписи, места публикации и цели автора. Поэтому фотозадания помогают формировать критическое мышление и ответственность за собственное медиасообщение.

Третья группа связана с освоением цифровых технологий. При выполнении фотозаданий обучающиеся используют камеру мобильного устройства, инструменты кадрирования, базовой обработки, хранения и представления материала. Цифровые действия выполняются не механически, а в связи с учебной задачей и смыслом создаваемого изображения.

Четвертая группа компетенций касается цифровой культуры. Фотография дает возможность обсуждать авторское право, согласие на съемку, приватность, корректную публикацию и этичную обработку изображений. Эти вопросы особенно важны для обучающихся, активно использующих визуальные форматы общения в социальных сетях и цифровых сервисах.

Пятая группа связана с проектной деятельностью. Фотопроект объединяет поиск темы, наблюдение, создание визуального материала, комментариев и представление результата. Такая работа развивает самостоятельность, творческое мышление и способность связывать учебное содержание с реальной средой.

Таким образом, фотография соединяет педагогику, информационные технологии, психологию визуального восприятия, медиаграмотность и проектное обучение, позволяя формировать цифровые компетенции внутри

конкретной учебной деятельности.

Заключение

Фотография обладает потенциалом для формирования цифровых компетенций: она объединяет создание цифрового контента, анализ визуальной информации, критическое восприятие медиасообщений и ответственное поведение в цифровой среде.

Фотография становится образовательной технологией при наличии учебной цели, критериев оценки, обсуждения результата, рефлексии и связи изображения с темой. Практическая значимость подхода состоит во включении фотозаданий в занятия, самостоятельную работу и проектную деятельность.

Использованные источники

1. Приказ Минпросвещения России от 02.12.2019 № 649 «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды» [Электронный ресурс]. - URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/3fc1916dc55e145cf9c72064e7045864/> (дата обращения: 10.06.2026).
2. Vuorikari R. et al. DigComp 2.2. - Luxembourg: Publications Office of the EU, 2022. - DOI: 10.2760/115376.
3. Redecker C. DigCompEdu: European Framework for the Digital Competence of Educators. - Luxembourg, 2017. - DOI: 10.2760/159770.
4. UNESCO. Media and Information Literacy: Policy and Strategy Guidelines. - Paris: UNESCO, 2013. - 192 p.
5. Федоров А.В. Медиаобразование и медиаграмотность. - М.: Директ-Медиа, 2013. - 343 с.

УДК 37:004.056.53

Смирнова И. В.

учитель-дефектолог

Муниципальное автономное учреждение «Центр психолого-педагогической и социальной помощи

Багратионовского муниципального округа»

Россия, г. Багратионовск, Калининградская обл.

**«ЦИФРОВОЙ ИММУНИТЕТ» ПОДРОСТКОВ: ОПЫТ
ПРОФИЛАКТИКИ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ДЕСТРУКТИВНЫЕ
СООБЩЕСТВА И ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕРЕЗ
ПРОГРАММУ «ЦИФРОВАЯ ГИГИЕНА»**

Аннотация: В статье представлены теоретические основы, структура и результаты апробации дополнительной общеобразовательной программы «Цифровая гигиена: 10 шагов к безопасности», направленной на формирование у подростков 12–16 лет навыков безопасного поведения в цифровой среде. Программа реализована в трёх школах Калининградской области (75 участников, 7–8 классы). Эмпирические данные демонстрируют отсутствие противоправных действий в сети среди участников, повышение уровня цифровой грамотности (с 62% до 89%) и предотвращение потенциальных эпизодов груминга и фишинга. Авторы обосновывают эффективность перехода от традиционных запретительных мер к формированию «цифрового иммунитета» через практико-ориентированные интерактивные занятия.

Ключевые слова: цифровая гигиена, подростки, кибербезопасность, профилактика деструктивного поведения, цифровой иммунитет, Калининградская область, дополнительное образование.

Smirnova I. V.

teacher-defectologist (special education teacher)

*Municipal Autonomous Institution «Center for Psychological,
Pedagogical and Social Assistance of Bagrationovsky Municipal District»
Bagrationovsk, Kaliningrad Region, Russia*

**«DIGITAL IMMUNITY» OF ADOLESCENTS: EXPERIENCE IN
PREVENTING INVOLVEMENT IN DESTRUCTIVE COMMUNITIES
AND ILLEGAL ACTIVITIES THROUGH THE «DIGITAL HYGIENE»
PROGRAM**

Abstract: *The article presents the theoretical foundations, structure, and results of the pilot implementation of the supplementary educational program «Digital Hygiene: 10 Steps to Safety», aimed at developing safe online behavior skills in adolescents aged 12–16. The program was implemented in three schools of the Kaliningrad region (75 participants, grades 7–8). Empirical data demonstrate zero cases of illegal online activities among participants, an increase in digital literacy (from 62% to 89%), and the prevention of potential grooming and phishing episodes. The authors substantiate the effectiveness of shifting from traditional prohibitive measures to building «digital immunity» through practice-oriented interactive sessions.*

Keywords: *digital hygiene, adolescents, cybersecurity, prevention of destructive behavior, digital immunity, Kaliningrad region, supplementary education.*

Введение

Актуальность. Цифровая среда стала неотъемлемой частью жизни современного подростка. Общение, обучение, досуг, поиск признания и самореализация – всё это сегодня происходит онлайн. Однако наряду с

огромными возможностями интернет несёт и реальные угрозы: кибербуллинг, вовлечение в деструктивные сообщества, груминг (установление доверительных отношений взрослым с целью сексуальной эксплуатации), сексторшн (шантаж интимными материалами), фишинг, финансовые махинации и дропперство. Особенно уязвимы подростки 12–16 лет в силу возрастных особенностей: потребности в принадлежности к группе, стремления к автономии от взрослых, недостаточно сформированного критического мышления и повышенной эмоциональной реактивности.

Проблема усугубляется тем, что традиционные подходы к профилактике – запреты, техническая фильтрация контента, родительский контроль – оказываются малоэффективными. Главное оружие манипуляторов и вербовщиков – это не сложные программы, а психологические уязвимости: желание быть принятым, страх отвержения, чувство вины, жадность. Подросток может знать правила цифровой безопасности, но в стрессовой ситуации, под давлением сверстников или под воздействием эмоционально заряженного сообщения, он действует импульсивно. Следовательно, необходим переход от внешних запретов к формированию внутренних алгоритмов безопасного поведения – так называемого «цифрового иммунитета».

Особую актуальность проблема приобретает в Калининградской области – самой западной территории Российской Федерации, которая является полуэкславом, граничит с государствами Европейского союза (Польша, Литва) и имеет сложное историческое прошлое. Это накладывает дополнительные риски: повышенное внимание к региону со стороны деструктивных сил, попытки использования информационного влияния через социальные сети и мессенджеры, а также более интенсивный трансграничный информационный обмен. В этих условиях формирование у подростков цифровой устойчивости становится не только педагогической, но и

социально-политической задачей.

Проблема исследования

Существуют многочисленные программы цифровой грамотности, ориентированные на техническую безопасность (сложные пароли, антивирусы, безопасные настройки). Однако наблюдается дефицит практико-ориентированных курсов, которые системно обучали бы подростков распознавать психологические манипуляции, противостоять групповому давлению в сети, реагировать на кибербуллинг в роли свидетеля и не поддаваться на схемы «лёгкого заработка». Эффективность таких программ требует эмпирической проверки, особенно в условиях приграничного региона.

Цель статьи – представить модель дополнительной общеобразовательной общеразвивающей программы «Цифровая гигиена: 10 шагов к безопасности», разработанной и апробированной в трёх школах Калининградской области, а также продемонстрировать её профилактические результаты (отсутствие противоправных действий в сети, повышение цифровой грамотности) на выборке 75 подростков 7–8 классов.

Задачи статьи:

- Обосновать необходимость перехода от технической защиты к формированию «цифрового иммунитета».
- Описать структуру и содержание программы «Цифровая гигиена» (10 интерактивных занятий-практикумов).
- Привести количественные и качественные результаты апробации.
- Обсудить возможности масштабирования и интеграции программы в систему дополнительного образования и внеурочной деятельности.

Теоретическая и практическая значимость

Результаты могут быть полезны педагогам дополнительного образования, школьным психологам, социальным педагогам, специалистам по

профилактике деструктивного поведения, а также разработчикам региональных программ цифровой безопасности для детей и молодёжи.

Методология исследования

Дизайн. Исследование проводилось в формате квазиэксперимента с использованием контрольной группы. Участники не рандомизировались, группы формировались из доступных классов.

Участники. В исследовании приняли участие 75 подростков 12–14 лет (учащиеся 7–8 классов) из трёх общеобразовательных школ Калининградской области. Контрольную группу составили учащиеся параллельных классов ($n = 30$) из тех же школ, не участвовавшие в программе.

Процедура. Программа «Цифровая гигиена» реализовывалась в течение 4 месяцев (февраль — май 2026 г.) в формате 10 занятий по 2 часа (20 академических часов). До начала программы и после её завершения было проведено анонимное анкетирование участников и контрольной группы с использованием авторского теста цифровой грамотности (10 ситуационных задач, оценивающих способность распознавать и правильно реагировать на основные типы цифровых угроз – фишинг, кибербуллинг, груминг, дропперство и др.). Максимальный балл – 10.

Критерии оценки. Основными критериями эффективности выступили: (1) отсутствие зафиксированных противоправных действий в сети среди участников за период наблюдения (по данным классных руководителей, анализу обращений к школьному психологу и самоотчётам); (2) динамика показателей цифровой грамотности по результатам тестирования; (3) количество обращений участников к взрослым по поводу реальных подозрительных ситуаций в сети.

Анализ данных. Проводился сравнительный анализ процентных долей и качественных показателей между экспериментальной и контрольной группами, а также между результатами входного и выходного тестирования в

экспериментальной группе.

Этические аспекты. От родителей всех участников было получено информированное согласие на участие детей в программе и обработку анонимизированных данных. Контрольная группа не подвергалась никаким вмешательствам.

Теоретические основы программы

Понятие «цифровой гигиены» и «цифрового иммунитета»

В современной научной литературе понятие «цифровая гигиена» (digital hygiene) всё чаще используется для обозначения совокупности практик и привычек, обеспечивающих безопасное и ответственное поведение в сети [Солдатова и др., 2019]. В отличие от «информационной безопасности», которая фокусируется на технических средствах защиты, цифровая гигиена акцентирует поведенческий и психологический аспект: умение управлять своим цифровым следом, распознавать манипуляции, контролировать эмоции при столкновении с провокационным контентом и принимать взвешенные решения в стрессовых онлайн-ситуациях.

Программа «Цифровая гигиена» вводит и операционализирует понятие «цифрового иммунитета» – системного личностного качества, включающего:

- **когнитивный иммунитет** – способность критически анализировать информацию, отличать фейки от достоверных источников, выявлять логические ловушки теорий заговора;
- **эмоциональный иммунитет** – устойчивость к психологическому давлению, навыки саморегуляции в ответ на троллинг, хейтинг или шантаж;
- **социальный иммунитет** – умение отстаивать личные границы, применять техники уверенного отказа, а также занимать активную позицию свидетеля при кибербуллинге;

- **правовой иммунитет** – понимание ответственности за противоправные действия в сети (распространение фейков, участие в дропперстве, вымогательство) и знание алгоритмов обращения за помощью.

Ключевые угрозы и их психологические механизмы

Отбор содержания программы осуществлялся на основе анализа актуальных угроз для подростков 12–16 лет (данные детского телефона доверия, сводки МВД, исследования Лаборатории Касперского). Каждая угроза рассматривается не изолированно, а через призму психологических механизмов манипуляции, что позволяет сформировать универсальные навыки противодействия.

Угроза	Психологический механизм	Формируемый навык
Фишинг и социальная инженерия	Игра на эмоциях (страх, жадность, сочувствие) + давление срочностью	«Правило трёх пауз» (остановиться – подумать – проверить)
Кибербуллинг	Стадный инстинкт, анонимность, эффект растормаживания онлайн	Активная позиция свидетеля (фразы-мостики, личная поддержка, жалоба)
Груминг	Постепенное установление доверия, изоляция от близких, создание «особых» отношений	Распознавание 6 этапов груминга, немедленная блокировка и обращение к взрослому
Секстинг и сексторшн	Доверие в паре, затем шантаж и чувство стыда	Алгоритм действий: не удалять переписку → сохранить скриншоты → сообщить взрослому → в полицию
Дропперство	Желание лёгких денег, недооценка юридических последствий	Анализ «красных флагов» вакансий, знание ст. 228 УК РФ
Деструктивные	Потребность в	Чек-лист из 7 признаков

сообщества	принадлежности, чувство избранности, «мы – против них»	деструктивности, стратегия выхода («цифровой детокс»)
Фейки и теории заговора	Эмоциональное заражение, когнитивное искажение подтверждения	Фактчекинг (обратный поиск, проверка домена, перекрёстные источники)
Психологическое давление	Чувство вины, страх отвержения, желание доказать свою «крутость»	Техники уверенного отказа («заезженная пластинка», «туман», «отказ + перенос ответственности»)

Педагогические принципы и методы

Программа базируется на следующих ведущих идеях:

- **«Не запрещать, а вооружать»** – вместо перечня запретов формируются внутренние алгоритмы безопасного поведения.
- **Контекстуальная релевантность** – все примеры и кейсы максимально приближены к реальному опыту подростков (переписки в мессенджерах, игровые чаты, школьные паблики).
- **Практико-ориентированность** – 70% учебного времени отводится на интерактивные формы: ролевые игры, кейс-стади, квизы, симуляции.
- **Безоценочность и безопасная среда** – обсуждение сложных тем без стигматизации, акцент на том, что вина всегда лежит на агрессоре или манипуляторе, а не на жертве.
- **Ценностное наполнение** – формирование уважения к личным границам, ответственности за цифровой след, эмпатии к жертвам травли.

Используемые методы: кейс-метод (разбор реальных анонимизированных ситуаций), игровые методы (квест, ролевая игра «Вербовщик vs. Критик», квиз «Найди удочку»), метод алгоритмизации (создание памяток «Правило трёх пауз», «Алгоритм при шантаже»), рефлексивные техники (стикер «Светофор», незаконченные предложения).

Структура и содержание программы

Программа рассчитана на 20 академических часов (10 занятий по 2 часа, 1 раз в неделю). Логика развёртывания: от личного к социальному и от идентификации к действию. Модули:

- **Модуль 1 (занятия 1–3):** Личная цифровая безопасность (цифровой след, фишинг, кибербуллинг).
- **Модуль 2 (занятия 4–6):** Безопасная онлайн-коммуникация (груминг, дропперство, секстинг и шантаж).
- **Модуль 3 (занятия 7–9):** Критическое мышление и информационная гигиена (деструктивные сообщества, фейки, психологическое давление).
- **Модуль 4 (занятие 10):** Интегративный квест «Безопасный маршрут», где участники применяют все полученные навыки в комплексной симуляции.

Связь с основной образовательной программой

Программа интегрируется с предметами основной школы: «Информатика» (настройка приватности, безопасность в сети), «Обществознание» (правовая ответственность, социальные группы), «ОБЗР» (основы безопасности личности). Она также согласуется с требованиями ФГОС ООО к формированию метапредметных результатов: регулятивных (целеполагание, контроль), познавательных (анализ, синтез, сравнение) и коммуникативных (учёт позиции другого, разрешение конфликтов).

Программа «Цифровая гигиена: 10 шагов к безопасности»

Общая характеристика программы

Программа «Цифровая гигиена» разработана как дополнительная общеобразовательная общеразвивающая программа социально-педагогической направленности. Она предназначена для подростков 12–16 лет, обучающихся в 7–9 классах, и рассчитана на 20 академических часов (10

занятий по 2 часа с периодичностью 1 раз в неделю). Занятия проводятся в очной форме, в группах до 15 человек. Формы работы: интерактивные лекции, групповой разбор кейсов, ролевые игры, квизы, рефлексивные техники, итоговый командный квест.

Цель программы: формирование у обучающихся устойчивых навыков безопасного, ответственного и критического поведения в цифровой среде, позволяющих распознавать и противодействовать манипуляциям, кибербуллингу, вербовке в деструктивные сообщества, финансовым мошенничествам и шантажу.

Задачи: образовательные (овладение понятийным аппаратом, алгоритмами действий); развивающие (критическое мышление, саморегуляция, коммуникативные навыки); воспитательные (уважение личных границ, ответственность, эмпатия, активная позиция свидетеля).

Учебный план

№№ п/п	Тема занятия	Ключевые формируемые навыки
1.	Цифровой след и конфиденциальность	Аудит профиля, настройка приватности, «Правило 3 вопросов» перед публикацией
2.	Фишинг и социальная инженерия	Распознавание «красных флагов», «Правило трёх пауз»
3.	Кибербуллинг	Роли жертвы, агрессора, свидетеля; фразы-щиты и фразы-мостики; алгоритм действий
4.	Грумминг и манипуляции доверием	6 этапов грумминга, блокировка и обращение к взрослому
5.	Дропперство и финансовые махинации	«Красные флаги» вакансий, юридические последствия (ст. 228, 174.1 УК РФ)
6.	Секстинг и шантаж	Алгоритм действий при сексторшне (сохранить скриншоты → заблокировать → обратиться к взрослому → в полицию)
7.	Деструктивные сообщества	Чек-лист из 7 признаков; стратегия выхода

		(«цифровой детокс»)
8.	Фейки и теории заговора	Фактчекинг (обратный поиск, проверка домена, перекрёстные источники)
9.	Психологическое давление	Техники уверенного отказа («заезженная пластинка», «туман», «отказ + перенос ответственности»)
10.	Итоговый квест «Безопасный маршрут»	Комплексное применение навыков в симуляции (6 станций)

Организационно-методические особенности

Принцип «обучение через практику». 70% учебного времени отведено на интерактивные формы, что позволяет перевести теоретические знания в поведенческие паттерны. Например, техника «заезженной пластинки» сначала объясняется, а затем отрабатывается в парах через ролевые диалоги.

Использование аутентичных материалов. Все кейсы основаны на реальных (анонимизированных) историях, скриншотах переписок, объявлениях о вакансиях. Это повышает доверие участников и демонстрирует, что угрозы реальны и актуальны.

Методологические приёмы. Для каждого занятия разработан сценарий, включающий: мозговой штурм, краткий теоретический блок (10–15 мин), основной практикум (20–30 мин), рефлекссию (5–10 мин). В качестве примеров приведём ключевые практикумы.

Пример 1: игра «Цифровой детектив» (занятие 1)

Участники делятся на команды, каждая получает карточку с описанием вымышленного профиля в соцсети (аватар, посты, геометки, комментарии). За 5–7 минут команда должна составить «досье»: имя, интересы, слабые места, уровень открытости. При презентации ведущий акцентирует, как обнаруженная информация может быть использована для фишинга или груминга. Цель – показать, что даже «безобидные» публикации формируют цифровой след.

Пример 2: квиз «Найди удочку» (занятие 2)

Команды получают конверты с 5–6 примерами сообщений (СМС от банка, письмо о выигрыше, просьба одноклассника перевести деньги и др.). Задача – отсортировать карточки на «фишинг» и «безопасные», назвать «красные флаги» (странный ссылка, срочность, просьба пароля/кода). После разбора ведущий вводит «Правило трёх пауз» (Стоп! → Подумать! → Проверить!).

Пример 3: тренинг «Стена отказа» (занятие 9)

Участники в парах отрабатывают три техники уверенного отказа на сценариях: «Заезженная пластинка» (повторять одну фразу), «Туман» (частично согласиться, но не менять позицию), «Отказ + перенос ответственности» (сослаться на правила, родителей, обязательства). Затем разыгрывается ролевая игра, где один участник играет агрессора, второй – жертву, а группа помогает подсказками.

Пример 4: итоговый квест (занятие 10)

Команды проходят 6 станций: «Тень в зеркале» (цифровой след), «Удочка для простака» (фишинг), «Лабиринт эха» (деструктивные сообщества), «Испытание на прочность» (буллинг и давление), «Сеть паука» (грумминг и шантаж), «Лёгкая добыча» (дропперство). За каждое верное решение команда получает код. Из 6 ключевых фраз составляется кодекс безопасности – символические правила цифровой гигиены:

- «Управляй цифровым следом» (понимание, что ты оставляешь)
- «Защищай личные границы» (не давай себя сломать)
- «Фильтруй информацию, отсеивай ложь» (критически оценивай информацию)
- «Проверяй факты» (не верь на слово)
- «Делай паузу» (не действуй импульсивно)
- «Соблюдай закон» (помни об ответственности)

Дидактическое обеспечение

Для реализации программы разработан банк учебных материалов, включающий:

- 12 сценариев ролевых игр и квизов;
- 20 анонимизированных кейсов по всем темам;
- 6 карточек для игры «Цифровой детектив»;
- 5 наборов карточек для квиза «Найди удочку» (по 5 сообщений в каждом);
- чек-листы и памятки (печатные раздаточные материалы);
- презентации к каждому занятию (в формате Power Point);
- маршрутные листы и задания для итогового квеста.

Программа также использует бесплатные онлайн-инструменты: обратный поиск картинок (Google Images, Yandex.Images), проверку доменов (whois.ru), фактчекинговые ресурсы.

Ожидаемые результаты

По окончании курса участники демонстрируют:

- умение настраивать приватность аккаунта и анализировать свой цифровой след;
- способность распознавать фишинг, фейки и признаки деструктивных сообществ;
- владение техниками уверенного отказа и алгоритмами действий при кибербуллинге, груминге, сексторшне;
- знание юридических последствий дропперства и участия в противоправных схемах;
- готовность занимать активную позицию свидетеля и оказывать поддержку сверстникам.

Таким образом, программа представляет собой комплексный, практико-ориентированный курс, направленный на формирование «цифрового

иммунитета» подростков в условиях современного информационного общества.

Результаты реализации (эмпирическая часть)

В ходе апробации программы «Цифровая гигиена» были получены следующие результаты.

1. **Отсутствие противоправных действий в сети.** За весь период наблюдения (4 месяца) среди 75 участников экспериментальной группы не зафиксировано ни одного случая вовлечения в противоправную деятельность (дропперство, распространение фейков, участие в кибербуллинге, переход по фишинговым ссылкам). В контрольной группе за аналогичный период зафиксировано 4 инцидента: два случая распространения оскорбительных комментариев в школьном чате, один – участие в репосте фейковой новости, один – попытка перевода денег по фишинговой ссылке.

2. **Повышение уровня цифровой грамотности.** Средний балл по авторскому тесту цифровой грамотности (10 ситуационных задач) в экспериментальной группе повысился с 6,2 балла (62%) на входном тестировании до 8,9 балла (89%) на выходном (разность достоверна при $p < 0,01$ по t-критерию Стьюдента). В контрольной группе показатели не изменились (61% и 63% соответственно).

3. **Качественные изменения в поведении.** 14 участников экспериментальной группы обратились к взрослым (родителям, классному руководителю, школьному психологу) с реальными подозрениями на основе ситуаций, возникших в сети. В двух случаях вмешательство взрослых позволило предотвратить потенциальные эпизоды: один – подозрение на груминг в игровом чате, второй – фишинговое СМС с требованием перевести деньги. Участники также отмечали, что стали внимательнее относиться к своим публикациям (87%), чаще применять «Правило трёх пауз» при подозрительных сообщениях (76%).

4. Освоение поведенческих алгоритмов. По итогам итогового квеста «Безопасный маршрут» 100% команд успешно прошли все 6 станций, продемонстрировав умение распознавать признаки деструктивных сообществ, фишинговые атаки, правильно реагировать на сценарии кибербуллинга, груминга и дропперства. Среднее время выполнения заданий составило 42 минуты (при лимите 50 минут).

Таким образом, программа «Цифровая гигиена» показала высокую профилактическую эффективность и способствовала формированию устойчивых навыков безопасного поведения в цифровой среде у подростков 12–14 лет.

Обсуждение

Интерпретация полученных результатов

Результаты апробации программы «Цифровая гигиена» на выборке 75 подростков из трёх школ Калининградской области демонстрируют её высокий профилактический потенциал. Отсутствие зафиксированных противоправных действий в сети среди участников (в сравнении с 4 инцидентами в контрольной группе) позволяет предположить, что программа эффективно снижает риски вовлечения в деструктивные сообщества, дропперство, кибербуллинг и другие формы девиантного онлайн-поведения.

Прирост правильных ответов в тесте на цифровую грамотность с 62% до 89% (средний показатель) статистически значим и сопоставим с результатами аналогичных программ, описанных в исследованиях Г.У. Солдатовой (2019) и Е.Н. Рассказовой (2021). Однако, в отличие от большинства существующих курсов, ориентированных на техническую безопасность, наша программа делает акцент на психологических механизмах манипуляции и отработке поведенческих навыков. Именно это, по-видимому, обеспечивает более устойчивый перенос знаний в реальные жизненные ситуации, о чём свидетельствуют 14 обращений участников к взрослым с

реальными подозрениями (два из которых позволили предотвратить потенциальный груминг и фишинговую атаку).

Сравнение с другими подходами

Традиционные программы цифровой грамотности (например, «Безопасный интернет» Лиги безопасного интернета, уроки от «Лаборатории Касперского») часто строятся по принципу информирования о правилах и запретах. Они эффективны для повышения осведомлённости, но, как показывают исследования (Livingstone et al., 2017), слабо влияют на реальное поведение в стрессовых онлайн-ситуациях. Наша программа использует поведенческий тренинг (ролевые игры, симуляции, отработку техник отказа), что позволяет преодолеть разрыв между знанием и действием. Кроме того, важной инновацией является акцент на роли свидетеля при кибербуллинге – именно активная позиция наблюдателя, как показано в работах Salmivalli (2014), является ключевым фактором снижения травли в школьной среде.

Региональный контекст

Реализация программы в Калининградской области, приграничном и исторически сложном регионе, выявила ряд особенностей. Во-первых, участники демонстрировали повышенную осведомлённость о существовании деструктивных сообществ (по сравнению с данными из центральных регионов России), что, вероятно, связано с более интенсивным трансграничным информационным воздействием. Во-вторых, в ходе занятий было зафиксировано несколько случаев, когда подростки получали фишинговые сообщения на английском и польском языках, что редко встречается в других регионах. Это подтверждает необходимость адаптации профилактических программ к локальному контексту и включения модуля о межкультурной цифровой коммуникации.

Ограничения исследования

Необходимо признать ряд ограничений. Во-первых, выборка

относительно невелика (75 человек), что не позволяет проводить широкие статистические обобщения. Во-вторых, отсутствие рандомизированного контроля (контрольная группа была сформирована из параллельных классов, но не эквивалентна по мотивации и исходному уровню цифровой грамотности). В-третьих, период наблюдения составил лишь 3 месяца; долгосрочная устойчивость сформированных навыков требует дополнительного лонгитюдного исследования. В-четвёртых, оценка цифровой грамотности проводилась с помощью авторского теста, а не стандартизированного инструментария, что затрудняет сравнение с другими программами.

Практические рекомендации

На основе полученных данных можно предложить следующие рекомендации для масштабирования программы:

- Внедрить курс «Цифровая гигиена» в систему дополнительного образования и внеурочной деятельности школ Калининградской области.
- Подготовить специалистов из числа классных руководителей, педагогов-психологов, социальных педагогов, педагогов дополнительного образования для самостоятельной реализации программы в своих образовательных организациях.
- Создать онлайн-версию курса (чат-бот-тренажёр, видео-лекции) для охвата большего числа подростков.
- Усилить работу с родителями через родительские собрания и памятки «Семейный цифровой договор», поскольку результаты показывают, что поддержка семьи существенно повышает эффективность профилактики.

Перспективы дальнейших исследований

В будущем планируется:

- Провести лонгитюдное исследование (12 месяцев) для оценки устойчивости сформированных навыков.

- Разработать и валидизировать стандартизированный опросник «Индекс цифрового иммунитета» для объективной оценки результатов.
- Адаптировать программу для других возрастных групп (9–11 лет, 16–18 лет) и для детей с особыми образовательными потребностями.

Выводы по обсуждению

Программа «Цифровая гигиена» показала свою эффективность в условиях Калининградской области. Её ключевыми сильными сторонами являются: практико-ориентированность, акцент на психологических механизмах манипуляций, формирование активной позиции свидетеля и отработка конкретных поведенческих алгоритмов. Несмотря на ограничения, полученные результаты свидетельствуют о том, что программа может служить действенным инструментом профилактики вовлечения подростков в противоправные действия в сети и повышения их общей цифровой грамотности. Дальнейшее масштабирование и научное сопровождение позволят уточнить механизмы воздействия и адаптировать программу к различным социально-культурным контекстам.

Заключение

Проведённое исследование и опытно-экспериментальная работа позволяют сформулировать следующие выводы.

- **Актуальность и своевременность.** Цифровая среда, при всех её преимуществах, создаёт новые риски для подростков: кибербуллинг, груминг, сексторшн, дропперство, вовлечение в деструктивные сообщества. Традиционные подходы к профилактике, основанные на запретах и технической фильтрации, недостаточно эффективны. Особую остроту проблема приобретает в приграничных регионах, таких как Калининградская область, где информационное воздействие носит трансграничный характер.
- **Разработанная программа.** Создана и апробирована дополнительная общеобразовательная общеразвивающая программа

«Цифровая гигиена: 10 шагов к безопасности», которая смещает фокус с внешних ограничений на формирование внутренних алгоритмов безопасного поведения — «цифрового иммунитета». В основе программы лежат принципы практико-ориентированности (70% интерактивных форм), контекстуальной релевантности (реальные кейсы) и ценностного наполнения (уважение границ, ответственность, эмпатия).

- **Результаты апробации.** В трёх школах Калининградской области в программе приняли участие 75 подростков 12–14 лет. За три месяца наблюдения не зафиксировано ни одного случая противоправных действий в сети среди участников (в контрольной группе — 4 инцидента). Уровень цифровой грамотности (по авторскому тесту) повысился с 62% до 89%. 14 участников обратились к взрослым с реальными подозрениями, что позволило предотвратить два потенциально опасных эпизода (подозрение на груминг и фишинг).

- **Научно-практическая значимость.** Статья вносит вклад в теорию и практику цифровой педагогики, предлагая операционализированное понятие «цифрового иммунитета» и методический инструментарий его формирования. Результаты могут быть использованы педагогами дополнительного образования, школьными психологами, социальными педагогами, а также региональными органами управления образованием при разработке профилактических мер.

- **Ограничения и перспективы.** Исследование имеет ограничения (небольшая выборка, короткий период наблюдения, отсутствие стандартизированного инструментария). Перспективы включают: лонгитюдное исследование, валидизацию опросника «Индекс цифрового иммунитета», масштабирование программы в другие регионы, создание онлайн-версии курса и адаптацию для других возрастных групп.

Ключевой вывод

Профилактика вовлечения подростков в деструктивные сообщества и противоправные действия в сети наиболее эффективна, когда строится не на запугивании и запретах, а на вооружении подростка конкретными поведенческими алгоритмами, критическим мышлением и психологической устойчивостью. Программа «Цифровая гигиена» является примером такого подхода и может быть рекомендована к внедрению в систему дополнительного образования и внеурочной деятельности общеобразовательных организаций.

Использованные источники:

1. Концепция развития дополнительного образования детей до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 31 марта 2022 г. № 678-р).
2. Приказ Министерства просвещения РФ от 27 июля 2022 года № 629 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным общеобразовательным программам».
3. *Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.09.2020 № 28 «Об утверждении санитарных правил СП 2.4.3648-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организации воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи» *.
4. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. — М.: Смысл, 2017. — 375 с. (Монография, посвящённая исследованию особенностей использования российскими детьми и подростками инфокоммуникационных технологий в различных онлайн-контекстах).
5. Солдатова Г. У., Войскунский А. Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — Т. 18, № 3. — С. 431–450. (Статья, в которой авторы анализируют процесс цифровой

социализации как «сращения» развивающейся в познавательном и личностном плане личности с инфокоммуникационной средой).

6. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран // Cyberpsy.ru. — 2023. — (Статья, в которой на основе социально-когнитивной модели цифровой социализации выявляются общие и специфические паттерны цифровой социализации российских подростков 12–17 лет по сравнению с данными других европейских стран в отношении пользовательской активности, видов онлайн-деятельности, цифровой компетентности и онлайн-рисков).

7. Livingstone S., Davidson J., Uzieblo A. et al. Children's online activities, risks and safety: a literature review by the UKCCIS Evidence Group. — London: LSE Consulting, 2017. — 110 p. (Ключевой обзор, показывающий, что возраст и пол детей, а также их цифровая грамотность и жизнестойкость влияют на онлайн-опыт и благополучие).

8. eSafety Commissioner. Best Practice Framework for Online Safety Education. — Canberra: Australian Government, 2021. (Framework, устанавливающий национальный подход к преподаванию онлайн-безопасности в австралийских школах, включая элементы формирования цифровой устойчивости и навыков ответственного поведения в сети).

9. Salmivalli C. Participant Roles in Bullying: How Can Peer Bystanders Be Utilized in Interventions? // Theory Into Practice. — 2014. — Vol. 53, No. 4. — P. 286–292. (Статья, в которой обосновывается, что изменение реакций свидетелей буллинга является эффективным способом сокращения травли и виктимизации; в интервенциях, направленных на снижение буллинга, необходимо повышать осведомлённость свидетелей о собственной роли, их эмпатию к жертвам и самоэффективность в защите сверстников).

УДК 004.67:321(470)

Срабян М. А.

магистрант

Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС

Научный руководитель: Бабанов А. Б., к.э.н.,

доцент

Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

***Аннотация:** в статье исследуется роль цифровых технологий как ключевого фактора трансформации современных политических процессов. Анализируется двойственная природа цифровизации. Особое внимание уделяется таким феноменам, как алгоритмическое управление, Big Data в политическом маркетинге, влияние социальных сетей на мобилизацию протестной активности и феномен постинформации. В статье обосновывается необходимость выработки сбалансированных стратегий, направленных на максимизацию потенциала цифровизации при одновременной минимизации ее деструктивных последствий.*

***Ключевые слова:** цифровые технологии, политические процессы, цифровая трансформация, электронное правительство, политическое участие, Big Data, алгоритмическое управление, социальные сети, кибербезопасность, цифровое неравенство, сетевое общество.*

Srabyan M. A.

undergraduate

South Russian Institute of Management – branch of RAShiGS

Scientific supervisor: Babanov A. B., Ph.D.,

associate professor

South Russian Institute of Management – branch of RAShiGS

**DIGITAL TECHNOLOGIES AS A FACTOR OF
TRANSFORMATION OF MODERN POLITICAL PROCESSES:
OPPORTUNITIES AND CHALLENGES**

***Annotation:** this article explores the role of digital technologies as a key factor in the transformation of modern political processes. It analyzes the dual nature of digitalization. Particular attention is paid to phenomena such as algorithmic governance, Big Data in political marketing, the influence of social media on the mobilization of protest activity, and the phenomenon of post-information. The article substantiates the need to develop balanced strategies aimed at maximizing the potential of digitalization while minimizing its destructive consequences.*

***Keywords:** digital technologies, political processes, digital transformation, e-government, political participation, Big Data, algorithmic governance, social networks, cybersecurity, digital inequality, network society.*

Цифровизация и цифровые технологии в настоящий момент оказывают значительное влияние на все сферы общества. Политика не стала исключением, активно развиваясь и внедряя новейшие функции и возможности в свою деятельность [1].

Свою роль в процессе трансформации политической сферы сыграла

пандемия COVID-19, которая дала мощный импульс переходу многих политических процедур в онлайн формат, от голосований до публичных слушаний, что обнажило как огромный потенциал таких решений, так и их риски.

В нашем понимании цифровые технологии выступают широким спектром инструментов, основанных на представлении данных в числовом формате и их автоматизированной обработке и включают в себя интернет-платформы и социальные сети, системы больших данных, алгоритмы машинного обучения, технологии распределённых реестров, средства криптографической защиты, а также инфраструктурные решения вроде электронной идентификации и межведомственного обмена данными.

Цифровая трансформация политики понимается как долгосрочный процесс качественного изменения политических институтов, практик и отношений под воздействием широкого внедрения цифровых технологий.

Сущность цифровизации и её влияние изучается социологами, политологами, философами, среди которых необходимо отметить Д. Белла, Зб. Бжезинского, Х. С. Дордика, П. Друкера, М. Кастельса, И. Манора, Й. Масуду, Д. Миллера, Н. Негропonte, Х. А. Хорста. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления – одна из национальных целей развития РФ на перспективу до 2036 года, определенная указом Президента от 21 июля 2020 года № 474 (утратил силу с 7 мая 2024 года) [2].

Одним из самых известных и успешных примеров цифровой трансформации государственного управления выступает Эстония, в которой в 2001 году была запущена платформа X-Road, представляющая собой децентрализованную систему межведомственного обмена данными. Как отмечает Тхуй Чи Нгуен в своём исследовании, «X-Road является не просто технической инновацией, а социотехнической системой, в которой цифровая инфраструктура, политический дизайн и институциональная культура

сходятся вместе, формируя модель доверительного и гражданско-центричного управления» [3]. Эстонская система включает такие элементы, как цифровое удостоверение личности или e-ID, электронное голосование, оно же i-Voting, цифровую подпись и множество государственных услуг, доступных онлайн круглосуточно.

Ещё более радикальным примером трансформации политических процессов под воздействием цифровых технологий выступает Китай, где в ряде городов внедряются системы социального рейтинга Social Credit System, которые собирают данные о поведении граждан из множества источников, таких как платежи, соблюдение ПДД, судебные решения, активность в соцсетях, и присваивают каждому индивиду числовой балл, влияющий на доступ к кредитам, путешествиям, образовательным услугам и даже возможности трудоустройства. Мишель Мяо в своей работе «Rule by Algorithm» утверждает, что «мы наблюдаем не просто ужесточение авторитарного контроля, а появление качественно новой формы власти – «алгоритмического правления» [4].

Российская практика цифровизации политических процессов представляет собой особый случай, который не вполне укладывается ни в модели западных демократий, ни в модели алгоритмического авторитаризма. Наиболее ярким примером, на наш взгляд, выступает внедрение дистанционного электронного голосования или ДЭГ. В Москве, которую исследователи называют «самой передовой лабораторией электоральных экспериментов» в России, с 2019 года последовательно расширяют применение этой технологии, о чем говорит факт использования ДЭГ на выборах в Государственную Думу в 2021 году, где система впервые использовалась в масштабах нескольких регионов одновременно, а к 2024 году, по данным ЦИК, на федеральной платформе ДЭГ проголосовали более 1,5 миллиона человек, причём явка среди онлайн-избирателей составила 90,54%

[5]. Технологическую основу процесса составляет модернизированная Государственная автоматизированная система «Выборы 2.0» [5].

Наиболее очевидный и масштабный сегмент цифровой трансформации политики – это перевод государственных услуг и административных процедур в онлайн-формат, главным актором которого выступает концепция «электронного правительства» или e-government. Согласно данным Двенадцатого отчёта ООН об электронном правительстве, опубликованного в сентябре 2024 года, 71,5% государств членов ООН сегодня находятся на высоком или очень высоком уровне развития электронного правительства, а доля населения, отстающего в этой сфере, сократилась с 45 процентов в 2022 году до 22,4 процента в 2024-м [6].

Однако, те же самые цифровые инструменты создают и новые вызовы, такие как рост цифрового неравенства, появление уязвимостей кибербезопасности, угрозы фрагментации публичной сферы и подрыв общественного доверия.

Традиционно цифровое неравенство понималось как разрыв в доступе к интернету и цифровым устройствам между разными странами, социальными группами и поколениями. Сегодня этот разрыв остаётся значительным, поскольку даже в развитых странах сохраняется неравенство между поколениями, уровнями образования и доходами. Также на горизонте возникает очень острая проблема разной способности граждан эффективно использовать цифровые инструменты для реализации своих политических прав.

Отдельного внимания заслуживает «новый цифровой разрыв», связанный с внедрением искусственного интеллекта, который формируется вокруг вопроса о том, кто обладает властью создавать, изменять и интерпретировать алгоритмы, определяющие цифровой опыт пользователей.

Вторая группа вызовов связана с тем, как цифровые среды

трансформируют производство, распространение и потребление политической информации. Дипфейки и сгенерированный Искусственным интеллектом политический контент представляют собой, пожалуй, наиболее зримую и быстрорастущую угрозу в этой области. Дипфейки, к которым относятся видео-, аудио- или фотоизображения уже успели стать инструментом политической борьбы в разных странах. Особую тревогу вызывает то, что люди плохо распознают дипфейки и подвержены их влиянию. Исследование, проведённое в 2025 году, показало, что людям «сложно распознавать дипфейковые видео», и их мнение подвержено влиянию «такого рода дезинформации» [7].

Цифровая трансформация политических процессов делает избирательные системы и органы государственной власти приоритетными целями для кибератак, которые могут иметь разные цели: от простого нарушения работы государственных сайтов до попыток прямого вмешательства в подсчёт голосов или кражи конфиденциальных данных избирателей. Масштаб угрозы наглядно демонстрирует ситуация в России, где, по данным, представленным руководителем Федерального центра информатизации при ЦИК Александром Ковальчуком, в 2025 году интернет-ресурсы Центризбиркома подверглись более 3,5 миллиона потенциально опасных запросов, включая 56 DDoS-атак. Член ЦИК Игорь Борисов сообщал, что на сервисы электронного голосования было совершено порядка пяти тысяч атак, а глава ЦИК Элла Памфилова уточняла, что с начала выборной кампании 2024 года на сайт ЦИК обрушилось около 12 миллионов атак [8, 9, 10]. В ответ на эти угрозы государства вынуждены ужесточать меры кибербезопасности. В России с 2025 года все государственные информационные системы обязаны подключаться к системе ГосСОПКА и передавать ФСБ данные об инцидентах. По данным на начало 2025 года, ГосСОПКА зарегистрировала свыше 59 тысяч инцидентов, а с 1 марта 2026

года Роскомнадзор, ФСБ и Минцифры получили полномочия временно отключать российский сегмент интернета от общемирового в случае «угроз устойчивости, безопасности и целостности» интернета [11].

Цифровая трансформация политических процессов на сегодняшний день является объективной и необратимая реальность, конечные последствия которой будут зависеть не столько от самих технологий, сколько от институционального дизайна, правового регулирования и политической культуры. Проведённый анализ позволяет утверждать, что цифровые технологии стали не просто вспомогательным инструментом политического управления, а полноценным фактором, перестраивающим сами основы современных политических процессов, чье влияние носит двойственный характер, так как с одной стороны, открываются беспрецедентные возможности для повышения эффективности государственного управления, а с другой стороны, столь же масштабными становятся вызовы. Российская практика демонстрирует специфическую модель цифровой трансформации, которая сочетает в себе технологические инновации с высокой степенью централизации управления и контроля. Успехи в цифровизации избирательных процедур и государственных сервисов соседствуют с ростом кибератак и ответным ужесточением мер безопасности, а законодательные инициативы свидетельствуют о попытках государства адаптировать правовое поле к новым угрозам.

Использованные источники:

1. Хохлов Р. Р., Лапшин Г.А. Цифровые технологии как движущая сила политических изменений // Журнал прикладных исследований. – 2024. – № 10. – С. 16-22.
2. Президент России. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (2.06.2026).

3. Nguyen Thuy Chi (2025) Estonia's X-Road and the digital state: a socio-technical approach to public governance transformation. GRADUS, 12 (2). pp. 1-8.
4. Miao, Michelle, Rule by Algorithm (January 08, 2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ssrn.com/abstract=5280211> (2.06.2026).
5. Itmo. Опубликованы количественные данные о ГАС «Выборы» 2.0 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://news.egov.itmo.ru/25-09-15-611.html> (2.06.2026).
6. United Nations. Digital transformation accelerates, but gaps underscore need for new framework to advance use of technologies in governments, new UN survey shows [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.un.org/en/desa/digital-transformation-accelerates-gaps-underscore-need-new-framework-advance-use?utm_campaign=buffer&utm_content=buffer3c97f&utm_medium=social&utm_source=twitter.com (2.06.2026).
7. РБК. Более 40% россиян признались, что не могут распознать дипфейк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/rbcfreenews/692f30d99a7947fc3eff14a3> (2.06.2026).
8. Ведомости. Количество DDoS-атак на порталы ЦИК увеличилось почти в 2 раза с 2024 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/03/19/1183913-kolichestvo-ddos-atak-na-portali-tsik-uvelichilos?from=newsline> (2.06.2026).

УДК 334.722

Трунова Л. Г., к.э.н.

доцент

Иркутский национальный исследовательский

технический университет

Ван Цюнь

студент магистратуры

Иркутский национальный исследовательский

технический университет

Россия, г. Иркутск

**РАЗРАБОТКА ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ПОВЫШЕНИЮ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГАРАНТИЙНОЙ
ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы повышения эффективности государственной гарантийной поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП) в Российской Федерации. А также предложен комплекс мер, направленных на совершенствование государственной политики в данной сфере. К ним относятся: упрощение доступа к финансовым ресурсам, развитие института «единого окна», усиление информационной и образовательной работы с предпринимателями, повышение квалификации государственных служащих, а также активизация взаимодействия между малыми и крупными предприятиями. Особое внимание уделяется изучению и адаптации успешного зарубежного опыта поддержки МСП. Таким образом, реализация предложенных рекомендаций будет способствовать формированию более эффективной и устойчивой системы государственной поддержки МСП, что, в свою очередь, стимулирует инновационное развитие, увеличение инвестиционных проектов

и интеграцию малого бизнеса в производственные цепочки, отвечая задачам импортозамещения и социально-экономического роста страны.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, государственная поддержка, гарантийная поддержка, эффективность, финансирование, административные барьеры, информационное обеспечение, зарубежный опыт.

*Trunova L. G., candidate of economic sciences,
associate professor*

Irkutsk National Research Technical University

Wang Qun

Irkutsk National Research Technical University

Russia, Irkutsk

DEVELOPMENT OF PROPOSALS TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF STATE GUARANTEE SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM ENTREPRENEURSHIP

***Abstract.** This article examines current challenges in improving the effectiveness of state guarantee support for small and medium-sized enterprises (SMEs) in the Russian Federation. It also proposes a set of measures aimed at improving public policy in this area. These include: simplifying access to financial resources, developing a one-stop shop, strengthening information and educational efforts with entrepreneurs, improving the qualifications of civil servants, and enhancing interaction between small and large enterprises. Particular attention is paid to studying and adapting successful international experience in supporting SMEs. Thus, implementing the proposed recommendations will contribute to the development of a more effective and sustainable system of state support for SMEs, which, in turn, will stimulate innovative development, increase investment projects,*

and the integration of small businesses into production chains, meeting the objectives of import substitution and the country's socioeconomic growth.

Keywords: *small and medium enterprises, state support, guarantee support, efficiency, financing, administrative barriers, information support, international experience.*

В последнее время, малое и среднее предпринимательство приобретает большее значение для социально-экономического развития страны. В связи с государственным направлением на импортозамещение, его развитие влияет на удовлетворение товарами на рынке, ускорению научно-технического прогресса, производство отечественных товаров и т.д.

В связи с этим, малое и среднее предпринимательство (далее – МСП) выступает важным элементом экономики разных стран, это связано с тем, что оно помогает населению в поисках работы и производит огромную долю товаров и услуг. В свою очередь, государство обеспечивает поддержку, а также регулирует МСП в России, что можно подкрепить огромным перечнем нормативно-правовых актов. Правительством Российской Федерации создано достаточно много программ, поддерживающих предпринимателей в сфере малого и среднего бизнеса, это объясняется тем, что МСП играет одну из важных ролей в экономике страны, стимулируя различные инновационные процессы и повышая качество организации экономики страны [2].

Основными проблемами в области государственной гарантийной поддержки МСП остаются: недостаток финансирования; высокая стоимость кредитных средств и отсутствие гарантий и поручительств, представленных как льготные в законодательстве, сложность процедур доступа к программам государственной гарантийной поддержки МСП, низкий уровень осведомленности предпринимателей о мерах государственной гарантийной поддержки МСП, недостаточный охват стартапов, микропредприятий,

недостаточный спрос со стороны государства на товары и услуги МСП, низкая эффективность мер государственной финансовой поддержки МСП.

Привлечение денежных ресурсов для поддержки МСП возможно посредством сбора и накопления денежных средств крупных инвесторов, среди которых можно выделить коммерческие банки и финансово-промышленные предприятия.

В настоящее время в нашей стране действуют разные программы государственной поддержки МСП такие как: 1. Субсидирование. 2. Бесплатное обучение (либо с частичной оплатой). 3. Стажировки. 4. Лизинг на льготной основе. 5. Бизнес-инкубаторы (аренда офиса с низкой стоимостью арендной платы). 6. Гранты. 7. Возможность бесплатного участия в выставках [3].

Необходимо отдельно выделить направление укрепления взаимоотношений малых и крупных предприятий, с помощью развития и увеличения практики заключения субподрядных договоров. Это позволит уменьшить риск выхода на рынок для МСП, в то же время понижая затраты крупных организаций.

Важно обеспечить эффективную связь между предпринимателями и государственными органами – это важный механизм результативной и грамотной государственной политики. Также важно учитывать мнения и потребности бизнесменов при разработке и утверждении законов, программ и проектов, касающихся регулирования и поддержки МСП. Для этого важно проводить консультации и различные семинары на тему этих документов вместе с группами МСП. Также необходимо дополнительно разрабатывать и утверждать официальные схемы такого взаимодействия, с последующей фиксацией в соответствующих правовых актах.

Следует повсеместно внедрить электронные сервисы для подачи заявлений и дальнейшего получения разрешительных документов. Также

можно передать процедуру регистрации новых организаций специально созданным для этого компаниям, либо доверить её выполнение властям на региональном уровне.

Ещё одним важным шагом является необходимость внедрения, либо улучшения профессионального обучения служащих государственных органов, которые контактируют с субъектами МСП.

Данный шаг обусловлен тем, что в настоящее время не все государственные служащие, работающие с МСП отвечают требованиям их компетентности. Представители МСП очень нуждаются в понятных, компетентных и подробных инструкциях на всех этапах оформления государственной гарантийной поддержки.

Профессиональная подготовка и переподготовка кадров, связанных с работой с МСП – одно из решений проблемы частой некомпетентности государственных служащих [1].

Таким образом, реализация мер указанных рекомендаций сможет поспособствовать созданию и развитию более эффективной системы государственной поддержки МСП, которая будет направлена на высокое и стабильное развитие МСП, увеличение количества инвестиционных проектов, внедрение современных IT-технологий и вхождение организаций в производственные циклы.

Использованные источники:

1. ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ.
2. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года (вместе с «Планом мероприятий («дорожной картой») по реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года») (ред. от 30 марта 2018): Распоряжение Правительства

РФ от 02 июня 2016 № 1083-р // Собрание законодательства РФ. 2016. № 24. Ст. 3549.

3. Ослунд, А. Условия развития малого предпринимательства / А. Ослунд // Человек и труд. – 2024. – №12. – С. 70-77.

Оглавление

Ilhomov E., MODERN METHODS OF EMPLOYEE MANAGEMENT IN REMOTE WORK CONDITIONS	3
Obidova F. Y., Baxromov Sh., ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISMS FOR FORMING DIGITAL LEADERSHIP IN ENTERPRISES	8
Turumova D. A., CURRENT ISSUES OF IMPROVING INCOME AND EXPENSE ACCOUNTING IN COMMERCIAL BANKS	13
Xolbutayev O'. X., Tursunkulov T., THE ROLE OF THE GREEN ECONOMY IN REDUCING POVERTY	19
Абдилакимова У. Б., РОЛЬ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В РАЗВИТИИ НАВЫКОВ ПИСЬМА	25
Валиханова М. К., Пулатова М., ВЛИЯНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ РИСКОВ НА КОНЕЧНУЮ СТОИМОСТЬ ТОВАРОВ И СТРАТЕГИИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ	31
Калинкина Е. А., СТУДЕНЧЕСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ОПЫТ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ВУЗОВ	36
Крупчак О. С., СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПЕРВОКУРСНИКОВ ПОСЛЕ ШКОЛЫ	45
Крякин Е. В., Жусупов Э. В., К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ПО КРЕДИТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ	51
Кукуляр А. М., ОСОБЕННОСТИ БАЗИСНЫХ УБЕЖДЕНИЙ И СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У СОТРУДНИКОВ ВУЗА	59
Легконогих Р. Р., РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО	69
Пугайкина А. В., ЗНАЧИМОСТЬ МУЛЬТИМЕДИА–ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ	77
Семенова М. А., ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ СРЕДСТВАМИ ФОТОГРАФИИ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ	86
Смирнова И. В., «ЦИФРОВОЙ ИММУНИТЕТ» ПОДРОСТКОВ: ОПЫТ ПРОФИЛАКТИКИ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ДЕСТРУКТИВНЫЕ СООБЩЕСТВА И ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЧЕРЕЗ ПРОГРАММУ «ЦИФРОВАЯ ГИГИЕНА»	91

Срабян М. А., ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ	112
Трунова Л. Г., Ван Цюнь, РАЗРАБОТКА ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГАРАНТИЙНОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА.....	120

Научное издание

ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩЕГО

Материалы международной научно-практической конференции
10 июня 2026

Статьи публикуются в авторской редакции
Ответственный редактор Смирнова Т.В.
Компьютерная верстка Чернышова О.А.